

Дмитрий Полетаев

**ПРИЗРАКИ
ФОРТУНЫ**

· ФОРТ РОСС ·

Смотрите фильм —
читайте новый роман!

Герои Четвертого измерения

Дмитрий Полетаев

Форт Росс. Призраки Фортуны

«АСТ»

2010

Полетаев Д. Э.

Форт Росс. Призраки Фортуны / Д. Э. Полетаев — «АСТ»,
2010 — (Герои Четвертого измерения)

Как вышло, что в XIX веке Россия навсегда лишилась своих земель в Северной Америке? Что это, просчет царской дипломатии или тайна, которую успешно держали «забытой» на протяжении сотни лет? Наши современники Дмитрий и Марго ведут это почти детективное расследование. Головокружительный сюжет в лучших традициях авантюрного, исторического романа, яркие образы, умение автора передать неповторимую атмосферу и аромат далекой эпохи – всё это поможет вам шагнуть в эпоху последних лет царствования императрицы Екатерины II. Эпоху плаща и шпаги, дворцовых интриг, страстной любви, холодных красавиц и горячих сердец!

© Полетаев Д. Э., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	25
Глава девятая	27
Часть вторая	29
Глава первая	29
Глава вторая	33
Глава третья	36
Глава четвертая	39
Глава пятая	44
Глава шестая	48
Глава седьмая	50
Глава восьмая	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Полетаев

Форт Росс. Призраки Фортуны

© Полетаев Д.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Крымская дорога России

Никто из нас не мог тогда предположить, что триумфальный марш Клеопатры Северной окажется настолько же эпохальным и переломным, каким стал вояж Клеопатры Египетской, за коим последовали падение республики, рождение империи, гражданская война и установление долгой и жестокой тирании.

*Граф Луи Филипп де Сегюр,
посол Франции в России в 1784–1789 гг.*

Глава первая

Дороги судьбы

1787 год. Таврический вояж Екатерины II

Императрица уже и не помнила, когда еще она пребывала в таком приподнятом настроении, в таком благорасположении, как последние несколько недель, и потому чувствовала себя помолодевшей на добрый десяток лет. То ли сладостный, напоенный пахучими ароматами херсонской степи воздух растопил ее сердце, то ли череда исключительно благоприятных событий, которые тому предшествовали. Шутка ли сказать, днепровская степь, этот многовековой рассадник беспорядков и вольницы, склонила перед ней свою непокорную голову. Да что степь! Крым – эта жемчужина Северного Черноморья – отвоеван наконец у турок и навек присоединен к России!

Екатерина Алексеевна выглянула из окна дормеза. Как бы в подтверждение ее мыслей на бирюзово-синем небосводе радостно и безмятежно сверкало южное солнце.

«Спасибо тебе, Господи! – Императрица, закрыв глаза, подставила свое лицо ласкающим солнечным лучам. – Спасибо за все!»

Карета плавно несла государыню. Дом на колесах, да и только! Никак иначе ее дорожный экипаж и назвать-то было нельзя – восьмиместный, с отдельным альковом за откидным бархатным пологом, где государыня могла отдыхать, вытянувшись на перинах. Это последнее достижение инженерного искусства действительно помогало императрице с легкостью переносить тяжести нелегкого и грандиозного по замыслу путешествия.

К этой поездке готовились долго. Была создана специальная комиссия во главе с графом Безбородко, канцлером империи и главным помощником Екатерины в делах управления державой. Но главным вдохновителем Таврического вояжа был, конечно, Потемкин. Задумал он это путешествие для «своей царицы» еще в 1780 году, «чтобы склонились к стопам Северной Клеопатры и облобызали их, в знак вечного послушания, покоренные им, во славу ея, многочисленные восточные народы!»

Идея Екатерине понравилась сразу, да только, как говорится, быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Почти семь лет ушло на подготовку к путешествию! Шутка ли сказать, ничего подобного – ни по протяженности во времени, ни по затратам – мир еще не видел. А возможность «утереть нос» Европе, не афишируя этого и не кичась, Екатерина никогда не упускала.

Когда уже все было окончательно готово, поездку чуть не отложили. Захворали великие князья Александр и Константин. Бесконечные сквозняки холодных, как склепы, дворцовых

переходов сделали свое дело. Да и январь стоял на дворе – время простуд и хвори. Заболели князья так сильно, что державная бабка устроила специальный молебен, упрашивая небеса об их скорейшем выздоровлении. То ли служба помогла, то ли молодость сделала свое дело, да только сначала Константин, а потом и Александр зарумянились, температура спала, и стало очевидно, что внуки пошли на поправку. Но о том, чтобы брать их с собой в путешествие через всю страну, о чем мечтала Екатерина, не могло быть и речи. Или откладывать поездку, или...

Екатерина решила ехать. Да и остановить этот уже запряженный, нервно фыркающий и в нетерпении перебирающий копытами шестисотголовый живой поезд было все равно что пытаться остановить в горах снежную лавину.

Наконец, покинув Царское Село 7 января 1787 года, эпохальная, как ее сразу же окрестили, поездка Екатерины Великой в Крым началась...

Поначалу неслись что ветер. Весело скользили поставленные на санный ход экипажи. Иностранные посланники, австрийский граф Кобенцель, английский барон Фиц-Герберт и французский граф де Сегюр, закутанные по самые носы в медвежьи шубы, нашли подобный способ передвижения весьма привлекательным, а от таких скоростей у них даже слегка кружились головы. И действительно, разве можно сравнить плавный, мерно скользящий по пушистому снегу ход саней с тряской в колесном экипаже? Граф де Сегюр, склонный к поэтическим метафорам, сравнил свои ощущения с «плаванием по снежному морю». И то правда, укрытые до горизонта снегом молчаливые и бескрайние российские просторы, кое-где черневшие островками рощиц, лесов и деревенок, напоминали застывшие океанские просторы.

Из-за того, что зимний день короток, на всем протяжении дороги через каждые две-три версты горели специально подготовленные по царскому указу гигантские костры, дабы освещать путь державного каравана, растянувшегося на многие версты.

И оглянуться не успели, как отмахали первые девятьсот верст до Смоленска. Только тут Екатерина сделала первую остановку. И не потому, что устала, а потому, что так было запланировано заранее. Более недели чествовал Смоленск императрицу. Без усталости принимала она местную знать, спешившую припасть к державной длани. В конце концов, отдохнув и вновь устав уже от балов и званных обедов, царственная процессия двинулась дальше. К началу марта добравшись до Киева, остановились надолго. Больше месяца провела государыня в «колыбели городов русских». Принимала послов иностранных, да ждали, когда Днепр вскрыется.

Когда же в галеры пересели да по реке поплыли, то путешествие назвать «трудным» и вовсе никому не приходило в голову. Пока речные волны несли специально построенный для этого случая флот из восемнадцати вместительных галер, императрица даже отдохнула, как никогда еще в жизни не отдыхала. Только в Херсоне пересели в колесный экипаж, когда весна была уже в полном разгаре.

Дормез императрицы беззвучно покачивался на троскратно усиленной и обильно смазанной салом рессорной подвеске. Могучие колеса на специально укрепленных осях уверенно подминали под себя еще по-весеннему мягкую грунтовую дорогу. Четыре шестерика могучих лошадей, запряженные цугом, без видимых усилий тянули это сооружение, построенное по личным рисункам и чертежам светлейшего князя Григория Александровича Потемкина.

Что и говорить, расстарался светлейший на славу! Словно знал, что это крымское путешествие будет не столько ее, сколько его последним триумфом. Да к тому же больно хотелось ему «уважить матушку, умастить ее как нельзя лучше в подушках пуховых, чтобы трудности долгой дороги не омрачили чело державное». Ибо в хорошем настроении созерцать обретенные для империи бескрайние днепровские и придубайские просторы гораздо сподручнее. Да и Таврию, за которую столько крови русской пролито было, он хотел поднести Екатерине как истинный бриллиант, достойный украшать ее царскую корону.

Видя, что все складывается именно так, как он задумывал, князь в душе несказанно веселился. Глядя на довольное лицо своей обожаемой Катеньки, «летал» светлейший верхом вдоль императорского поезда, от начала к концу да от конца к началу, как в молодости, спеша уладить и устроить все самым наилучшим образом. Да можно ли было лучше-то? Улыбка одобрения не сходила с лица императрицы. Придворные поздравляли ее величество со славными свершениями, а она только приговаривала, поглядывая на своего фаворита: «Это все он, Потемкин! Его заслуга, его и хвалите!»

И хвалили, надо сказать, светлейшего, хвалили наперебой.

Уже под конец поездки, на обеде по поводу прибытия в Бахчисарай, принц Нассауский, недавно вошедший в свиту светлейшего князя, а значит, и в фавор при дворе, не выдержав, с чувством расцеловал руки Потемкину, громко и «бескорыстно» выразив при этом общую мысль:

– Воистину, не только полководческим гением надо обладать, но и государственным умом незаурядным, чтобы обустроить в такое короткое время только что обретенный край!

Тут уж даже завистники, коих у князя было не счесть, молча закивали, потрясенные масштабами преобразований.

Конечно, были и критические замечания. Как без этого обойтись! Так, их светлость барон Аллейн Фиц-Герберт, чрезвычайный и полномочный посол Британии при российском дворе, брезгливо оттопырив нижнюю губу, не преминул вставить, что «русские всегда отличались грандиозными замыслами и бездарным их воплощением». И даже несмотря на то, что в этот раз барон хотел отметить заслуги Потемкина, указав, что «сегодняшние его деяния исключение из правил», замечание получилось обидное и совсем не дипломатичное. Но поскольку от англичанина ничего другого никто и не ожидал, внимание на это решили не обращать, чтобы не омрачать царившего повсюду ликования.

И только всегда восторженный и потому принимающий все близко к сердцу австрийский посол граф Кобенцель хотел было вызвать Фиц-Герберта на дуэль как персону, нанесшую оскорбление его «союзническим чувствам», но дело уладил французский посланник граф де Сегюр. Опытнейший дипломат резонно произнес: «Тот, кто любит рассматривать проблему только сзади, лишь расписывается в своем бессилии овладеть ею спереди».

В переводе на русский, впрочем, как и на немецкий, фраза звучала не столь изящно, как по-французски, и даже несколько двусмысленно, но кто этому придавал значение в те величественные дни, которые вошли в анналы истории практически всех королевских дворов Европы и о которых впоследствии написали все посланники, имевшие честь разделить с русской государыней то грандиозное путешествие! Конечно, никто не обращал внимания... За исключением, пожалуй, отдельных персон ничем не примечательной наружности, которые со скучными лицами шныряли между участниками императорского кортежа и единственной обязанностью которых было как можно более подробно запоминать содержание бесед придворных вельмож и иностранных посланников и доносить их до его светлости графа Безбородко.

Уж в связи ли с этой обмолвкой британского баронета или по какой другой причине, но только двух графов и барона, как уже не раз случалось, поселили вместе. И опять было презабавно наблюдать этих «закадычных друзей», вынужденных коротать время друг с другом на восточных диванах свергнутых Гиреев.

Но и этого старались не замечать, как будто ничего экстраординарного не происходило. Кроме тех самых «отдельных персон», которые отнеслись к совместному проживанию «клиентов» как к чрезвычайно удачному и удобному «аранжементу».

Что поделать, любая женщина хочет быть в курсе слухов, которые роятся вокруг нее, а Екатерина к тому же была императрицей. Так что знать все, о чем говорят и даже думают ее придворные, а также иностранные «друзья», она считала себя просто обязанной.

Глава вторая

Сюрпризы поездки

1787 год. Херсонский тракт

Выехав из Херсона, Екатерина с замиранием сердца наконец осознала, что она неумолимо приближается к своей мечте. Безмерная радость и ликование разлились в ее душе. «Таврия, – твердила про себя императрица, – я назову тебя Таврия! Не Крымом – это басурманское название, а классическим греческим именем – Таврия!»

Эта поездка на юг была приурочена еще к одной важной дате – двадцатипятилетию восхождения Екатерины на российский престол. И сейчас, оглядываясь назад и вспоминая пережитое, императрица не могла не улыбаться. Практически все, о чем она когда-то могла только мечтать, устроилось самым наилучшим образом. Осталось последнее – вырвать Грецию у османов, посадить на константинопольский трон внука Константина, и тогда величии России, раскинувшейся от берегов северных морей до Средиземного, уже ничто не сможет угрожать. «Тогда и помирать можно! – размышляла Екатерина. – Правда, еще неплохо было бы в обход сынка передать трон старшему внуку Александру! Вот тогда уж действительно больше нечего и желать! Ну да ладно, свалим Порту, а уж с “этим” как-нибудь разберемся с Божьей помощью...» – думала царица.

Передача престола Александру в обход Павла была давней и прочно укоренившейся в сознании императрицы мечтой. И надо отдать ей должное, она сделала все, чтобы подготовить своего любимого внука к царствованию. Прекрасно образованный, воспитанный, начитанный, рано ставший разбираться в политических хитросплетениях бурлящих страстями королевских и императорских дворов Европы, статный красавец Александр действительно являл собою образ идеального государя.

Вот только как обойти Павла, пока было непонятно. Именно поэтому решение столь щекотливого вопроса царица все откладывала «на потом». Павел с детства был болезненным ребенком. «Кто знает, может, и само все как-то разрешится...» – вздыхала она и незаметно крестилась.

По выезде из Херсона императорский поезд опять, в который раз в этом путешествии, ждал сюрприз. Его встретил трехтысячный отряд донских казаков, который так и сопровождал императрицу до самого Крыма.

Пришлось устроить казакам в тот день торжественный смотр. Смотр нелегкий, ибо казацкое построение было особое, в одну линию, – пока из конца в конец доедешь, солнечный удар хватить может! Но зато и зрелище стоило того! Вытянувшись чуть не на версту, с поднятыми в салюте тонкими и длинными пиками с развевающимися на них вымпелами, казаки представляли собой красочное зрелище. Несмотря на раннюю майскую жару, императрица с Иосифом II Австрийским, который присоединился к ней в Киеве и путешествовал под именем графа Фалькенштейна, то есть, как он полагал, «инкогнито», два раза проехали перед строем в открытой колеснице. Император Священной Римской империи был потрясен. Особенно его поразили слова атамана казачьего войска, что за день похода казаки покрывают более шестидесяти верст. Обычная кавалерия делала порядка тридцати – почти в два раза меньше!

Но и это, как оказалось, было только начало. Когда именитых гостей встретила рота «настоящих» амазонок, хранимая до сих пор Потемкиным в тайне, тут уж ахнула даже привыкшая к его «грандиозам» императрица!

Когда греческий женский конный эскадрон пролетел перед изумленными зрителями полным галопом, сверкая на солнце отполированными до блеска металлическими нагрудниками,

подчеркивавшими особенности женской фигуры, и алыми юбками, беззастенчиво обнажавшими сильные загорелые ноги, – эффект был, пожалуй, посильнее, чем фейерверк, который накануне устроил Потемкин и в котором, как поговаривали, спалили более двадцати тысяч ракет и петард!

В общем, сюрпризам в этой поездке не было конца. Оно и понятно, Россия хотела показать Европе свою возросшую мощь. И в первую очередь продемонстрировать это своему главному союзнику – Австрии. Как знала Екатерина, австрийский император отправился в эту поездку с неохотой. Что-то подсказывало ему отказаться от путешествия в «варварские края варварской страны». Но, заглушив предостережения внутреннего голоса, Иосиф II все же принял приглашение. Да и как он мог отказать Екатерине Великой? Никак не мог. Однако не без удивления для себя император обнаружил осмотр новых российских владений чрезвычайно любопытным и... своевременным.

В Крыму прием оказался еще более помпезный. У ворот грозной крепости Ор-Капу, которую русские с ходу переименовали на свой лад в Перекоп, по обе стороны дороги выстроились татарские воины из охраны Бахчисарайского дворца. Зрелище было внушительное. Но всего удивительнее было то, что вчерашние заклятые враги России сейчас скромно гарцевали по обеим сторонам императорского поезда наряду с эскадроном конногвардейского полка. Эти потомки Чингисхана теперь были готовы отдать души за свою новую, «гяурскую», властительницу – за свою Северную Семиамиду!

Вот уж воистину, неисповедима воля Аллаха!

Как галантно заметил потом на обеде граф де Сегюр, он «никогда в своей жизни не видел коней и всадников с такими безупречными крупами». Двор на некоторое время замолк, соображая, чьи крупы имел в виду французский посланник. Ситуацию усугубил все тот же несносный Фиц-Герберт, который, ухмыльнувшись, с чисто британской прямолинейностью не преминул заметить, что «месье граф славится своим утонченным вкусом». При этом англичанин выразительно взглянул на графа Кобенцеля, который вдруг, ни с того ни с сего, густо покраснел. Всем были хорошо известны несколько женственные формы графского «арьергарда», которыми он безумно гордился и которые при каждом удобном случае любил довольно забавно «отключить». Также всем было хорошо известно, что именно Сегюр был в числе самых ярых почитателей графских форм. Но и на этот раз двор был настроен миролюбиво и решил, что если полугодовая поездка настолько «сблизила» этих некогда заклятых врагов, то с точки зрения «высокой дипломатии» это может весьма положительно сказаться на судьбе франко-австрийских отношений, а значит, и на судьбах Европы.

Глава третья

Святые хлопоты

1787 год. Крымская дорога Потемкина

Надо заметить, что охраной императрицы в Таврическом путешествии, как и положено было по уставу, ведал ее личный лейб-гвардии Измайловский полк. Конногвардейцы осуществляли лишь внешнюю охрану в этом сложнейшем, многоуровневом образовании, которое именовалось «императорским поездом».

В общей сложности караван состоял из порядка двухсот карет и повозок различного размера и назначения. Походные кухни и провиант, шатры для дневного отдыха и ночных стоянок, мебель, постельные принадлежности – все везлось с собой и делилось как минимум на три разряда: для двора, военных и прислуги. Ну и, конечно, самую многочисленную часть этого поезда составляли всевозможные пассажирские экипажи, от карет до колымаг, в зависимости от родовитости их владельца. Все это порой растягивалось на много верст, закрывая от глаз свет Божий взбитой дорожной пылью. В зависимости от ветра дормез императрицы вместе с каретами первой знати располагался то в авангарде, то в арьергарде каравана, чтобы, не дай Бог, в окошко государыни не надуло пыли из-под колес и копыт этого медленно, но верно ползущего к своей цели организма.

Непосредственно дормез императрицы охранял взвод лейб-гвардии Измайловского полка под командованием поручика Резанова.

Именно это, как решила про себя императрица, было самым приятным, тайным подарком, который преподнес «ее Гриц», так она называла Потемкина.

Зная слабость своей повелительницы, лейб-гвардейцев он действительно подобрал на славу! Но милее всех Екатерине пришелся сам поручик. Высокий, стройный, с обрамленным пепельными кудрями лицом, поручик был похож на Аполлона. Потемкин незаметно усмехался, глядя, как плотоядно поглядывала императрица на Резанова.

Но «подзадорить» царицу, погрузить ее в сладостное томление, когда она становилась более податливой и сговорчивой, это одно. Совсем же отпустить вожжи, коими он управлял своей повелительницей, а через нее и всей державой, Потемкин отнюдь не собирался. Строго следил он единственным глазом за сердечными делами обожаемой супруги и, хорошо зная ее вкусы, частенько сам и подставлял под царское внимание будущих кавалеров.

Бывали, конечно, и просчеты, как, например, с Ванькой Римским-Корсаковым. Красавец отменный, что и говорить. Фигура, стать – что больше всего ценила в мужчинах Екатерина – превосходные. Не зря она его прозвала Пирр, царь Эпирский. Что дурак был, так то понятно, на умном Потемкин свой выбор не остановил бы. Но за это порой тоже приходилось расплачиваться.

В начале все развивалось по хорошо налаженной схеме. После «пробной» ночи Екатерина тут же назначила Ваньку своим флигель-адъютантом. Затем быстренько произвела в камергеры с присвоением внеочередных званий генерал-майора, а потом и генерал-адъютанта. Поместьями и землями одарила. Деньгами, сотнями тысяч жаловала. Потемкин и сам по просьбе Екатерины бриллианты для него пригоршнями таскал. Но все это мало волновало могущественного фаворита. Любое поползновение на власть – вот чего он не терпел. «А Ванька, как в Ивана Николаевича оборотился, так распушился, подлец, что павлин, – право, что природа способствовала».

Рано чуявшие ветер перемен придворные уж стали мимо Григория Александровича напрямую к новому фавориту с просьбами таскаться. Пришлось мальчика урезать. Племянница,

любимица Санька, помогла. Не зря Потемкин всех своих племянниц фрейлинами устроил. «Лишний глаз завсегда сгодится – там, где мужик не углядит, баба дознается!»

Обожал, ласкал и одаривал он всех четверых поровну, по крайней мере, так ему казалось, но все же старшую, Александру, светлейший всегда ценил и ставил выше других. Умная баба! Десяти мужиков стоит.

Любимица Санька и удумала, как дело обставить. Да так, чтобы Екатерина своего Амура в объятиях у фрейлины Прасковьи Брюс сама и обнаружила. Графиня Парашка отделалась пощечинами. И по мужу, и по девичеству персона знатная, что и говорить, так запросто розгами по задку не отходишь – шутка ли сказать, жена петербургского генерал-губернатора и сестра самого фельдмаршала Румянцева! А вот мальцу от ворот поворот был указан в одночасье.

Мысли о племянницах разлили приятное тепло по стареющему телу князя. Все они были с ним в этой поездке. Князь теперь от себя их надолго не отпускал. Обожая их безмерно, только с ними и мог светлейший забыться, только они его и зажигали, заряжая энергией для свершения его грандиозных планов. И надо отдать должное – девицы отвечали ему взаимностью, каждая на свой лад.

Похотливостью племянницы уродились под стать дядьке. Чуть только покрылись пушком подмышки и заветное место, чуть только округлились бедра и некогда костлявый зад и налились болью соски, старшая Санька первой нырнула под дядюшкино одеяло. Григорий Александрович приехал в деревню навестить сестру, привезя три подводы подарков. От подарков у его многочисленной родни, особенно женской ее половины, несколько дней голова кружилась. Вот тогда-то Александра и ухватила свою «первую истину» – пути к прелестям жизни лежат через сердца влиятельных мужчин. Правда, по молодости несколько поспешно оценила их только лишь в переливах ювелирных украшений да сверканиях драгоценных камней. Очень скоро ей предстояло познакомиться с иными «прелестями» жизни.

Началось все с шуток: ласкалась и причитала «дяденька да дяденька». Потом Санька осмелела и обнаружила под одеялом истинную причину всех успехов фельдмаршала Российской империи, точнее, размеры его «причины». И между дяденькой и племянницей сложились особые отношения. Обезумевший от восторга и опаленный огнем неведомого дотоле наслаждения молодым девичьим телом, Григорий Александрович первое время медленно и страстно учил девушку премудростям любви. Но очень скоро Санька, осмелев, взяла «бразды правления» в свои руки. И с этого момента Потемкин уже более с ней не расставался. Только сестры – мал мала меньше, – взрослея, подъезжали ко двору вельможного дяденьки и вливались в этот маленький, но «теплый» семейный коллектив, где их быстро вводила в курс дела старшая сестрица. Французский посол де Сегюр только диву давался, описывая своему монарху «особенности быта и забав русских олигархов».

Екатерина тоже знала об этом. Любовная страсть их с Потемкиным к тому времени угасла, хотя взаимное уважение, как у проживших бок о бок и вместе состарившихся супругов, сохранилось. Прекрасно зная слабости друг друга, они относились к ним с пониманием. К тому же Екатерина была уверена: по-настоящему он любил все равно только ее. Любил как жену и как государыню, и за это она ему все прощала.

А племянницы у Потемкина и вправду были прехорошенькие. Милые, пригожие и, главное, умненькие, что особенно ценила в женщинах Екатерина. А что ухоженные да изнеженные, так то понятно – не зря дядька считался самым богатым человеком империи! Государыня и сама бы их с удовольствием потискала. И в ней кровь бурлила, требуя все новых увлечений. И увлечения эти не переставали находиться. Благо, что «ее Гриц» держал это под своим неусыпным контролем.

Глава четвертая Закат фаворита

1787 год. Крымская дорога Дмитриева-Мамонова

С утра Екатерина почувствовала себя неважно, и потому было принято решение, что как минимум до обеда с ней в карете поедут только особо приближенные лица: две фрейлины и ее новый любимчик Дмитриев-Мамонов. Озабоченный здоровьем царицы, присоединился к ним и Потемкин. От нечего делать он из-под прикрытых век осторожно наблюдал за фаворитом.

«Теперь за этим глаз да глаз нужен, – покачиваясь в такт движению кареты, размышлял Потемкин. – Тоже уже не Сашка, а Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов, граф Священной Римской империи! При беседах государыни с самим императором Иосифом присутствует! Гляди ты, важная птица какая стала! Но этот хоть послушный – знает птичка, с чьих рук клюет».

Потемкин вспомнил, как взял его к себе адъютантом из Измайловского полка. Как приглянулся ему тогда молодой человек. Что красив – это понятно, без этого никуда. Но было в молодом Дмитриеве-Мамонове еще что-то, что сразу привлекло внимание Потемкина. Правда, не сразу этому нашлось определение. Долго не мог он сформулировать для себя, что же именно так привлекло его в этом молодце. Но потом сообразил: Мамонов только что имя носил такое бравурное, геройское – Александр. На деле же оказался меланхоличным, вечно погруженным в свои мысли, тихим молодым человеком. «Тюфяк, без взлетов и фантазий», – решил про себя Потемкин. Как раз идеальный кандидат!

Как только Потемкин в этом уверился, так и представил его Екатерине. И пошло-поехало как по писаному. Потекли денежки казенные в закрома теперь уже Дмитриевых-Мамоновых, даром что семейство оказалось многочисленное. «Ну да, Рассея-матушка большая, все стерпит! Земель да угодий, золота да чинов еще на сто таких Мамоновых хватит, – не без гордости за отечество успокаивал себя князь. – Ничего, пусть побесится Катенька. Как косицу ни завивай, а волос-то с того только редееет», – философски рассуждал про себя опытный царедворец.

И вот теперь, не без некоторой печали, приходилось думать о «закате» Мамонова. Предрешен вопрос был тогда, когда уселся молодой красавец за стол переговоров императрицы с самим Габсбургом, с самим австрийским императором, куда даже Потемкина не позвали. Тут-то и порешил светлейший: все, и с этим пора прощаться. «Жаль, хороший был малый – спокойный. Ну да ведь Катюху-то как понесет, что ту колымагу под гору, – так уже и не оставишь!» – вздыхал про себя Григорий Александрович, из-под прикрытых век наблюдая за любовником своей жены, хмуро уставившимся в окно дормеза.

Причин хмуриться у Александра Матвеевича было предостаточно. «Это же надо, чтобы я да своими руками...» – кусал губы граф Дмитриев-Мамонов. Хоть и был он еще молод и слыл человеком не семи пядей во лбу, но опыта при дворе поднабрался достаточно, чтобы разобраться в хитросплетениях придворных интриг, тем более когда все было шито белыми нитками. Да и повторялось все по одной и той же набившей оскомину схеме. «Хоть бы чего новенького придумали!» – угрюмо хмурил брови Мамонов. Но самым обидным было то, что он сам же и порекомендовал Потемкину этого поручика, чтоб его Бог пришиб! И видя теперь, как императрица все чаще поглядывает на Резанова, то и дело подзывает его к себе Потемкин, отправляя то с одним, то с другим поручением, демонстративно подчеркивая тем самым особое к нему расположение, Мамонов не мог не признать, что где-то он просчитался. «Вот уж действительно слепа Фортуна, – не без грусти думал Мамонов, тайком поглядывая в окно на гарцующего неподалеку и отдающего какие-то распоряжения Резанова. – И ведь надо же! Сво-

ими руками себе же поджилки и подрезал!» – сокрушался Александр Матвеевич, лихорадочно пытаясь найти решение возникшей проблемы.

В защиту Мамонова следует заметить, что выбрал он Резанова совсем не случайно. Резон, что называется, у него был. Когда Потемкин напрямую попросил его порекомендовать офицера для назначения начальником личной охраны императрицы на период ее путешествия, Мамонов сразу вспомнил о своем бывшем сослуживце. Перед тем, как самому «взлететь», Мамонов имел возможность приглядеться к молодому подпоручику. Резанов совсем недавно был переведен в элитный полк из артиллерии, держался особняком и считался тихоней. В гулянках и офицерских попойках не участвовал, хотя деньгами в складчину всегда участие принимал, чем вызвал уважение сослуживцев, любивших погулять за чужой счет. С прибалтийскими немками, традиционно «обслуживавшими» измайловцев, не знался, по крайней мере, замечен с ними ни разу не был. Из-за чего спустя некоторое время офицеры прозвали Резанова «монахом». Наверное, это полковая кличка и натолкнула Мамонова на мысль представить Потемкину именно Резанова. Только вот забыл он в тот момент, что судьбу «монаха» с той минуты будет определять уже не Святейший Синод и уж тем более не он, а силы куда более искушенные и могущественные. А также не ко времени запомнил Александр Матвеевич старую русскую пословицу, что «в тихом омуте черти водятся».

А когда вспомнил, было уже поздно.

Глава пятая

Тихий омут

1787 год. Резанов. Начало пути

Резанов Потемкину понравился сразу. Но была одна проблема. То, что внешние данные гвардейца, как говорится, «придутся ко двору», у Потемкина не вызывало сомнений. Внутренние его качества – вот что погружало светлейшего в раздумья.

Держался Резанов как-то странно. Не то чтобы он был не учтив или, не дай бог, высокомерен – кто отважится быть высокомерным в присутствии фельдмаршала империи, светлейшего князя Священной Римской империи, всемогущественнейшего фаворита императрицы?! Но даже то, как склонился молодой офицер перед Потемкиным, говорило испытанному царедворцу о многом. В поклоне была одновременно учтивость и какое-то болезненное самолюбие. «От ить, молодежь пошла, в самом деле. Самомнение нынче наперед персоны в залу шагает! Да уж, что и говорить, новые ветры задули!» – размышлял про себя светлейший.

Оно и правда, новые идеи и веяния, которыми бурлила в то время беспокойная Европа, никогда еще не шагали так свободно в Россию, распространяясь со скоростью лесного пожара среди молодых и неокрепших умов, как в последние десятилетия. Продвинувшись в глубь Европейского континента на половину Польши, почти вплотную подойдя к границам Пруссии, Россия как будто топталась в нерешительности. Застыла гигантская держава, оказавшись не готовой к такому кипению рвавшегося на свободу человеческого разума. Век Просвещения брал свое, и Россия вдруг неожиданно оказалась с ним визави. И Резанов – Потемкин это почувствовал сразу – был из числа этого нового для России типа людей. Он представлял новое поколение молодежи, для которой не привилегии, полученные от рождения, а собственное образование, помноженное на личные амбиции, становилось краеугольным камнем их жизненной позиции, на которой они выстраивали затем свои карьеры. И довольно успешно! В образованной молодежи, в специалистах, говорящих на нескольких иностранных языках, непомерно разросшаяся империя постоянно ощущала нехватку. «Да уж, этот, пожалуй, далеко пойдет», – решил про себя князь.

На Потемкина глядели большие серые глаза с такими длинными и пушистыми ресницами, что даже веки, казалось, не выдерживали их тяжести и потому выглядели полуприкрытыми. Это придавало лицу молодого человека выражение некоторой надменности. Надо заметить, что ощущение это было не таким уж и неверным. Стоило узнать молодого человека чуть поближе, заглянуть в его душу чуть глубже и можно было легко изумиться невероятному градусу кипения его внутренних страстей. Будто зная это, Николай Петрович мало кому позволял заглянуть в сокровенные уголки своей души.

Рано оставшегося без матери Николя воспитывал отец – честный, прямой и добропорядочный человек. Резанов папеньку боготворил, хотя тот, с точки зрения Николая, все же имел один недостаток – он был не богат.

Матушка, беззаветно любя сына, перед смертью успела вдохнуть в него какую-то почти мистическую веру в свое «особое» предназначение. Однако подкрепить это финансово несчастный Петр Гаврилович Резанов никоим образом не мог. С малого поместья, в котором прошло детство Резанова, доход был невелик, что заставляло Петра Гавриловича трудиться в поте лица. Надо отметить: он добился в жизни многого. И поездил по России-матушке, и в различных присутственных местах поработал предостаточно. Был даже одно время председателем судебной палаты в Иркутске. То есть почет и уважение старший Резанов снискал повсеместные, а вот богатства не нажил. Хотя возможности были. Как и во все времена, Россия

жила тогда по общеизвестному принципу, сформулированному генерал-губернатором Сибири Денисом Ивановичем Чичериным: «Тот, кто, сидя в присутственном месте, не сколотил себе приличного состояния, либо дурак, либо лгун». Резанов-старший ни лгуном, ни тем более дураком не был. Просто принадлежал к другой, короткой и безвозвратно уходящей в прошлое эпохе, когда человеческое достоинство и честь ценились на Руси выше золота.

Справедливости ради надо заметить, что иногда эти качества приводили и к выгодам. Например, прославившись невиданной неподкупностью, Петр Гаврилович вдруг получил назначение обер-прокурором в столичный Сенат, что, конечно, явилось пиком его безупречной служебной карьеры, но снискать себе какие-то особые финансовые выгоды Петр Гаврилович не смог либо не захотел. Уж такой это был необычный человек.

Как бы там ни было, но ко времени ранней юности Николя семья перебралась в Петербург. Николай Петрович, предоставленный по большей части самому себе в связи с занятостью папеньки, рано обратил внимание на книги. Учеба у него шла успешно, к наукам Николя проявлял незаурядное влечение и недюжинные способности. Особенно к языкам. И надо отдать должное Петру Гавриловичу – отказывая себе во всем, отец не жалел денег на образование сына.

За хлопотами, семейными да карьерными, Петр Гаврилович и не заметил, как пролетели годы. Пора было выпускать «птенца» в жизнь. И старый Резанов решил наконец воспользоваться своими связями и определил сына в полк.

На один из элитных, Преображенский, Семеновский или Измайловский, что полагалось по рангу и дворянскому званию Резановым, пылу не хватило. Точнее, денег – подвел неурожайный год. От невиданной жары весь хлеб, на деньги от продажи которого так рассчитывал старший Резанов, в тот год выгорел на корню. И все же кое-как наскребли, сибиряки-купцы, давние знакомцы Петра Гавриловича, пособили – ссудили денег. Да еще входивший тогда в моду при дворе поэт Гавриил Романович Державин, старый сослуживец Петра Гавриловича и друг семьи, позаботился. Короче, общими стараниями да ходатайствами, впервые употребленными Петром Гавриловичем для личных благ, получил Николя назначение в артиллерийскую роту Его Императорского Высочества Гатчинского полка! Радости отца, как и ближайшего окружения семьи, не было предела! Радость и помогла старику Резанову пережить неумолимо приближавшуюся разлуку с сыном.

На прощание, хорошенько отдохнув с сыном в деревне, Петр Гаврилович выбрал из крепостных девку, что постатней, да и запер ее с сыном в баньке. Предварительно строго наказав «избраннице» быть терпеливой и ласковой, а также научить молодого барина «уму-разуму в энтот деле».

Решив, таким образом, что свои отцовские обязанности он выполнил, Петр Гаврилович приготовился проводить сына в «большую жизнь».

Заметим, однако, одну важную деталь. Сам того не желая, батюшка нанес тогда сыну «незаживающую рану». Влюбился Николя в тот день до беспамятства. И надо признать, было в кого. Отцовская избранница, Дуняша, несмотря на свои неполные шестнадцать лет, «энтот дело» знала превосходно. И поныне встречаются на Руси такие самородки, увидев которые, можно только руками развести да воскликнуть: откуда что берется?! Только что оперившаяся из гадкого утенка в статного лебедя, Дуняша имела прелести, совершенно не подходившие тому месту и положению, в котором она пребывала. И если бы не стареющий вдовец Петр Гаврилович, который приметил ее как-то у деревенского колодца и «пригрел» по доброте души, завяла бы девка, не распустившись. Как какая-нибудь изнеженная орхидея, занесенная волею прихотливого случая в тернистую северную почву.

Дуняша была стройной, с гладкой, золотистой от загара кожей. Из-под упавшей на глаза челки цвета высохшей соломы на Николя с интересом взирали василькового цвета глаза. Высокая, налившаяся грудь горделиво уставилась задорно торчащими сосками.

«Какая же она... ровная!» – Никола в восхищении взирает на девушку. Кровь его пульсировала где-то в висках. Опустить глаза ниже талии красавицы он не смел. Тогда Дуняша взяла дело в свои руки. «Делу» Дуняшины руки понравились. И пошло-поехало. Никола даже и не подозревал, что в мирской жизни могут быть такие небесные наслаждения! Читая о любовных уладах в романах, он, конечно, пытался себе это представить жаркими и душными летними ночами. Однако, лежа в постели и тараща в темноту глаза, это получалось плохо. Разве может слепой познать цвет неба или глухой – пение райских птиц? Нет, конечно. Так и Никола не мог представить всю глубину простого плотского наслаждения, ибо аналогов этому чувству мать-природа предусмотрительно не создала.

То ли инстинктивно, то ли по природе врожденного житейского ума, но Дуняша воспользовалась моментом в полную меру отпущенных ей сил и возможностей. Она тоже провалилась в бездонную пучину наслаждения, которого не испытывала никогда. Как никогда в своей жизни не встречала таких мягких и одновременно сильных и чутких рук, такого тела, такой обжигающей молодой страсти. Где-то в глубине души девушка понимала, что никогда более и не встретит. Поэтому и пыталась Дуняша, не торопясь, испить до дна эту чашу своего так неожиданно и щедро обрушившегося на нее бабского счастья.

Не имея никаких перспектив быть вместе, молодые люди, только что встретившись, инстинктивно сразу же стали прощаться. Беззвучно, не произнеся ни одного слова, с неистовой страстью утомленного жаждой путника, погрузившегося запекшимися губами в струи прохладного ручья, впился Никола в это молодое и податливое девичье тело. Как будто пытаясь навек впечатать в Дуняшу память об этой встрече, вкладывал Никола в их неистовое единение всю свою молодецкую удаль.

Всем своим естеством, всем пылом и страстью молодости отвечала ему Дуняша, изгибаясь в его руках и подставляя себя всю. Как два борца, слившиеся в последней схватке, постанывая от накатывавшего приливными волнами наслаждения, катались Дуняша и Никола по полу сельской баньки, которую Петр Гаврилович заботливо застелил для аромату свежескошенным сеном. Им казалось, что они могли бы бесконечно пить живительные соки друг друга, но... И умирающему от жажды однажды приходит насыщение. А с ним обычно и осознание того, что все в этой жизни имеет конец.

Минуты давно превратились в часы, часы грозили уже перерасти в день, когда не на шутку встревоженный Петр Гаврилович на закате солнца все же превозмог природную застенчивость и постучался в дверь баньки...

Навстречу отцу вышел уже совсем другой, повзрослевший сын. Но несмотря на то, что сейчас он уже больше походил на знающего себе цену молодого мужчину, в душе Никола оставался еще ребенком. И молодое, незагрубевшее сердце отчаянно кричало тогда в предчувствии неминуемого отъезда. И как ни старался «взять себя в руки» без пяти минут капрал артиллерийской роты, в глазах у него блеснули предательские слезы.

* * *

Забегая вперед, заметим, что тихо плачущая Дуняша, на которую молодой барин старался не смотреть, чтобы самому не разрыдаться, оставит в его душе неизгладимый след. Пройдут десятилетия, но Николай Петрович Резанов так никогда и не забудет этот отцовский «урок жизни».

Правда, как это часто бывает с «родительскими уроками», он будет иметь совершенно другие последствия, чем те, о которых пекся заботливый Петр Гаврилович. Отныне Николая Петровича всегда будет неудержимо тянуть к молодому девичьему телу, все прелести которого так опрометчиво позволил ему познать в тот день отец. И лишь на смертном одре снизойдет на Резанова, как откровение, простая истина. Что все его бесконечные метания, коими была

переполнена его короткая, но бурная, как штормовое море, жизнь, вся его неудовлетворенность, все его одиночество на самом деле проистекали из этого знаменательного в его судьбе дня, когда он, плотно притворив за собой дверь сельской баньки, вскочил на коня.

Тогда ему думалось, что он оставляет всего лишь хорошенькую крепостную девушку, каких еще будет немало на его пути, а оказалось, что он оставляет свой Идеал.

И именно тогда его жизнь, на том духовном, бессознательном уровне, влияние которого на нас мы подчас не ощущаем, превратилась в бесконечный поиск, бесконечное стремление назад, к «своей Дуняше». И, как бы компенсируя те невзгоды, которыми будет устлан его жизненный путь, Судьба предоставит Николаю Петровичу редчайшую возможность «дотянуться» до своего Идеала...

Причем дважды.

Глава шестая

Измайловский святоша

1787 год. Крымская дорога Резанова

С какой стороны ни посмотри, а «птенец» у Петра Гавриловича выпестовался особенный. Великолепно образованный и начитанный, знающий французский, немецкий и латынь, молодой Николай Резанов заметно выделялся среди ровесников. Из этого, однако, он сделал довольно неожиданный вывод.

«Как же так получилось, – рассуждал Николя, – что я, обладающий такими неоспоримыми достоинствами, занимаю в обществе место, не соизмеримое с моими талантами и возможностями?»

И эта старая как мир мысль о несправедливости распределения жизненных благ настолько прочно укоренилась в сердце молодого Резанова, настолько рано он на нее, на жизнь, обиделся, что даже две преждевременные морщины пролегли в уголках губ. Слишком уж часто приходилось ему презрительно сжимать их в горькой усмешке, видя незаслуженные продвижения по службе своих менее талантливых, но зато обладающих гораздо более значительными связями или богатством товарищей.

Будучи пока не в силах что-либо изменить, молодой человек приобрел таким образом два чрезвычайно важных в жизни качества. Он научился скрывать свои чувства и втайне поклялся доказать всем и вся во чтобы то ни стало, что он, Николай Резанов, достоин большего! «Ну уж нет, прозябать в глуши, довольствоваться тем, что тебе уготовила капризная фортуна, – увольте, милостивые государи! Мы у нее сами все возьмем! Чего бы это ни стоило!»

Традиционная военная карьера, уготованная дворянским недорослям, чрезвычайно подходила для осуществления честолюбивых планов юного Резанова. Отличиться на поле брани, пролить кровь за Отечество – один из самых верных путей начала успешной карьеры. Ну а уж в «полях брани» у России недостатка никогда не было.

Для более скорого осуществления своих намерений молодой подпоручик, во-первых, отгородился от безмозглых, как он считал, развлечений друзей-офицеров и всего прочего, что никак не приближало его к целям, которые он перед собой поставил. Во-вторых, Николя решил обзавестись необходимыми для продвижения по карьерной лестнице связями. Только таким образом он мог достичь того, о чем мечтала его покойная маменька: стать если и не героем под стать Александру Македонскому, – царств, которые можно было бы расширять, папенька ему все же не оставил, – так хоть оправдать надежды, которые она на него возлагала.

Вооружившись такими идеалами, Николя приготовился терпеливо ждать «своего часа». И надо сказать, час этот пробил даже раньше, чем он рассчитывал. Целеустремленный и благовоспитанный молодой офицер, да еще с такой природной статью вскоре был замечен, и Резанова перевели в элитный Измайловский полк, причем с повышением в чине.

Была у молодого Николя и еще одна особенность. Засевшее в душе занозой воспоминание о дне прощания со своей юностью, которое устроил ему батюшка и которое он всячески гнал от себя, в отместку сделало с ним одно недоброе дело. У Николя совершенно испортился вкус по отношению к женскому полу. Красотки осемнадцати лет и выше после золотистой от загара, длинноногой «папенькиной» Дуняши его уже никак не привлекали. Тела их казались Резанову рыхлыми, бледными и непривлекательными. Как ни румянили они себе щеки, как ни усыпали себя мушками и блестками, как ни белили белилами, Николя не обращал на них никакого внимания. Закончилось все тем, что очень скоро он прослыл не только «чрезвычайно

скромным молодым человеком», но за ним даже закрепилось прозвище «измайловский святоша». Впрочем, это лишь добавило интереса к его персоне со стороны женского пола.

Поначалу Николя переживал, но потом понял, что с «монашьей» репутацией можно добиться, пожалуй, еще большего. Женщины высшего света были большим подспорьем для своих любовников и фаворитов на пути становления их карьеры, но имелись и негативные стороны. Как правило, мужья этих знатных особ не всегда одобрительно глядели на амурные забавы своих благоверных. А общество благовоспитанного молодого человека с незапятнанной репутацией, которому вполне можно было доверить свою супружескую честь, устраивало сильный, но чрезвычайно ранимый пол гораздо более, чем общество тех, кто носил графские и княжеские титулы. Да и чины в этом мире, как вовремя заметил Николя, раздавали все же мужья. А женщины... Что женщины! Как правильно говорят французы: *Dans chaque malheur, cherchez la femme*¹. От них, в сущности, одни неприятности.

Ценное умозаключение, надо заметить, особенно если учесть, что в ту любвеобильную эпоху не многие из тех, кто обладал внешними данными Николая Петровича, могли похвастаться такой платоновской глубиной проникновения в суть бытия. А проникнув, сознательно отказаться от любовных походов. Если учесть, что все это происходило в эпоху фаворитизма и повального распутства двора, в котором тон задавала сама императрица, то, согласитесь, поведение молодого человека было в высшей степени необычным.

Это было трудно объяснить, еще труднее понять, но... факт оставался фактом: розовые бархатистые щеки Николя оставляли бесчисленное количество безответных вздохов. А если к этому добавить его высокий рост, длинные, стройные, затянутые в лосины ноги, большие умные глаза, то вы получите портрет гвардейского офицера, который в эпоху императрицы Екатерины Второй обладал всеми признаками молодого человека, собиравшегося высоко «взлететь».

Молодость, конечно, брала свое, и Николя приходилось время от времени отвечать на ее властный зов. Но ничего общего с теми чувствами, которые описывались в сентиментальных романах, это не имело. Метод Николя был как мир прост. Когда его уже, что называется, «припирало» и внутри все горело огнем неутоленного желания, когда уже трудно было пристроиться в седле, чтобы что-нибудь себе не прищемить преобильно на рысях, – в этот самый момент зажимал наш розовощекий Николя какую-нибудь горничную в не очень дорогом, но и не в самом дешевом постоялом дворе, чтобы не разводить долгих «амуров». При этом выбирал, как правило, какую помоложе да поглаже и сосредоточенно справлял свою молодецкую нужду. Застигнутая таким неожиданно свалившимся на нее счастьем, очередная симпатичная «жертва» с задранной до самых ушей юбкой лишь покусывала кулачки да постанывала от удовольствия. И уже на следующий день, наслушавшись ее восторженных рассказов, все «вольное» женское население городка, где квартировал полк, старалось попасться на глаза лихому поручику. Николя хмурился и делал вид, что не замечает неуместных притязаний сих. Но исходя из соображений чисто практических – чтобы насытить свою натуру впрок и больше уже на греховное не отвлекаться, бывало, осчастливливал еще пару местных красавиц и уже с чувством выполненного долга вновь приступал к своим полковым обязанностям.

Прошло совсем немного времени, и судьба за старания, терпение и «воздержание» даровала наконец «измайловскому святоше» его долгожданный шанс, который предстал перед ним в ослепительном блеске бриллиантов и алмазов фельдмаршальских звезд.

«Хорош, ничего не скажешь», – Потемкин с интересом разглядывал Резанова. Поручик стоял, замерев перед развалившимся в кресле фельдмаршалом, в согнутой в локте правой руке

¹ В каждом несчастье ищите женщину (фр.). – Здесь и далее примеч. автора.

Николай почтительно держал черную треуголку, кисть левой руки покоилась на эфесе шпаги. «Честолюбив, – решил про себя Потемкин, – но это, пожалуй, и неплохо...»

– Вам сколько лет, поручик? – наконец спросил князь.

– Двадцать три, ваше сиятельство! – браво ответил Резанов. Голос у него оказался грудной и хорошо поставленный.

«Нет, этот молодец положительно мне нравится!» – прищурился на Резанова Потемкин.

– Ротой командовал?

– Никак нет, ваше сиятельство! Не успел еще. Состою при штабе. Недавно только переведен в Ея Императорского Величества лейб-гвардии Измайловский полк из артиллерии, где командовал оружейным расчетом, ваше сиятельство!

– Хочу назначить тебя, поручик, командиром охранной роты поезда императрицы... На время предстоящего крымского вояжа государыни. Что думаешь, справишься? – без обиняков задал вопрос Потемкин.

Резанов порозовел, но, глядя на князя, уверенно ответил:

– Почту за честь, ваше сиятельство, отдать жизнь свою без остатка на пользу Отечества!

Тон ответа и прямота, с которой эти слова были сказаны, понравились Потемкину. Тогда он и принял решение. И надо сказать, ни разу об этом не пожалел. Молодой офицер проявил незаурядные организаторские способности. Караулы были расставлены разумно и четко. Рота разбита на три отряда по двенадцать человек так, что одна дюжина гвардейцев находилась в постоянной ротации вокруг императрицы, а две другие закрывали так называемый «внешний круг». Таким образом, на глазах никто не вертелся, но присутствие охраны ощущалось повсюду. За счет коротких четырехчасовых караулов охрана выглядела свежей, подтянутой, как с иголочки, и была всегда начеку. Когда отдыхал сам Резанов, сказать было трудно, но к большому удовольствию Потемкина и к не меньшему императрицы командир охранной роты всегда был рядом.

Пока плыли по Днепру на галерах, работы было немного, разве что только когда сходили на берег. Но с того момента, как в Херсоне пересели в экипажи, забот у охранной роты заметно прибавилось. Помимо тесного кольца вокруг самого дормеза, причем устроенного так, чтобы охрана не бросалась в глаза, – ведь матушке-императрице нечего опасаться своих чад-подданных, Резанов выработал систему верховых разъездов, которые засылались и вперед, по пути следования каравана, и назад, чтобы никакое движение не укрылось от внимания охраны.

Как ни странно, но именно «монашеский» образ сослужил Резанову неоценимую услугу. Бесконечные банкеты, празднества, фейерверки и балы, устраиваемые знатно посещаемых городов и губерний в честь принцев, послов и вельмож разных стран, спешивших встретиться с российской императрицей, безусловно, сказывались на самочувствии придворных. Насколько императорский поезд был роскошным, настолько же он был и похмельным. По причине постоянного недомогания вельможных путешественников приходилось часто останавливаться для пополнения быстро уничтожаемых запасов рассола и кваса. Даже царедворцы, которых не удивишь обильными возлияниями, и те порой болели по несколько дней. Поэтому присутствие человека, который был всегда трезв и готов к действию, чрезмерно радовало Потемкина.

Тем не менее, несмотря на деловые качества юного поручика, так удивительно пришедшие ко двору, а может быть, именно поэтому, Потемкин не форсировал, как он любил говаривать, «амурный ситуасьен», предоставляя событиям развиваться своим чередом, а поручику – заниматься своими непосредственными обязанностями.

И поручик занимался.

Глава седьмая Татарская арба

1787 год. Бахчисарайский тракт

Екатерина не удержалась и еще раз взглянула в походное серебряное зеркальце. Как она ни хоронилась, лицо ее порозовело под жарким весенним солнцем. Сие расходилось с модой, но императрица улыбнулась своему отражению – лицо посвежело и выглядело моложе, нежели с румянами, нанесенными на толстый слой пудры.

Насмотревшись на себя, Екатерина стала поглядывать на конвой, который ленивой рысцой следовал в такт движению дормеза. Два гвардейца чуть сзади кареты, два чуть спереди... И непосредственно напротив окна – командир ее личной охраны поручик Резанов, неугоми-мый, подтянутый, безукоризненно одетый. Лошади гвардейцев были все как на подбор гнедые. Только у поручика жеребец – специально подобранной, серой в яблоках, масти. Казалось, что конь, как и наездник, вполне ощущал свое привилегированное положение, поэтому, картинно изогнув длинную шею, нес ездока, ни разу не сбившись с шагу.

Как ни стремилась степь вобрать в себя весь Крымский полуостров, но к югу все же стала нехотя отступать. Горные хребты, давно уже наблюдаемые путниками с расстояния, наконец потянулись своими отрогами к самой дороге. Но в полном смысле горной ее назвать еще было нельзя. Дорога пока извивалось где меньше, где больше, но на том же уровне, что и вся крымская степь. И все же долина, врезанная между отрогами горных хребтов, а вместе с ней и дорога начали уже заметно забираться вверх. А значит, заканчивались и относительные удобства езды в экипажах.

Николя давно приметил игру императрицы с зеркальцем. Он всегда краем глаза следил за заветным окошком дормеза. Императрица, сама того не желая, привлекла его внимание, пуская в Резанова солнечные зайчики. Государыня наклонилась к сидевшей напротив нее фрейлине Протасовой и что-то зашептала ей на ухо. По тому, как Протасова часто закивала и уставилась своим совиным взглядом на Резанова, поручик понял, что речь шла о нем. Николя отвернулся в сторону и сделал вид, что не замечает этого. Анна Протасова была на редкость уродлива. Казалось, Екатерина держала ее подле себя лишь для того, чтобы выгодно подчеркнуть свою внешность. «Что ж, нужный эффект получен, – думал про себя Резанов, невольно подтянувшись под открыто изучающим его женским взглядом. – Государыня действительно выглядит на ее фоне как богиня Диана!»

Занятый анализом этой щекотливой и будоражащей воображение ситуации, Резанов не то чтобы заметил, а скорее почувствовал, как что-то в движении каравана изменилось. Монотонный ритм многокопытного организма явно сбился, на что мгновенно отреагировал и конь. Поступь Серого изменилась.

Привстав на стременах, Николя пустил коня в легкий галоп, чуть оторвавшись от кареты. Голова каравана, теперь задранная уходящей в гору дорогой, была ему хорошо видна. Ничего необычного и уж тем более вызывающего тревогу он не заметил. Но судя по облаку пыли, то ли всадник, то ли всадники гарцевали перед головным экипажем, что и привело к изменению ритма движения. Взбитая белая и невесомая, как мука, крымская пыль выделялась на фоне черной тучи, которая неуверенно выглянула из-за перевала между двумя скалами, как раз оттуда, куда устремлялся императорский караван. По расчету Резанова, до Инкермана, где Потемкин приготовил для императрицы демонстрацию ее нового флота, оставалось верст

сорок, не больше. «Вряд ли удастся одолеть это расстояние сегодня, – размышлял про себя Резанов. – Придется останавливаться на ночлег... Да и гроза эта совсем не к месту...»

Будто в подтверждение его мыслей зарница осветила быстро темнеющий горизонт, и где-то за перевалом гулко громыхнуло. Серый вовсю прят ушами, косясь черным глазом на хозяина. Пытаясь приободрить коня, Никола потрепал его по шее.

– Егоров, – Резанов обернулся к ближайшему лейб-гвардейцу, – а ну, одна нога здесь, другая там, сгоняй в голову каравана – что там за черт такой?!

– Слушаюсь! – Егоров прищипорил коня и рванул с места в карьер, подняв столб пыли.

Туча продолжала быстро наползать, сменяя радостные ощущения, рожденные красками солнечного дня, на тревожные, грозные. Верная поступь царского каравана совсем разладилась. Оклики кучеров и погонщиков, сдерживавших свои упряжки, волной покатались от головы поезда. Все пришло в движение, пытаясь в едином порыве справиться с сумятицей.

«Черт знает что!» – продолжал хмуриться Резанов. Ни разъезда, который он выслал на осмотр дороги перед приближающимся поездом царицы, ни конногвардейцев почему-то не было видно.

– Поручик, скажите на милость, что происходит?! – услышал Резанов властный окрик.

Высокий и мелодичный голос фрейлины Протасовой совершенно не шел к ее облику. Из окна кареты на Резанова вопрошающе взирали круглые глаза на плоском лице. Белый напудренный парик делал от природы чернявую Протасову еще более уродливой, только подчеркивая по-мужски сильный волосяной покров; казалось, дай ему только волю, и он покрыл бы все лицо фрейлины и усами, и бакенбардами, и даже бородой.

– Не извольте беспокоиться, графиня! – слегка кланяясь, ответил ей Резанов. – Я уверен, сейчас прояснится причина сего замешательства!

– А вы поспешили бы, поручик, сами во всем разобраться! Вы что, не видите, ее императорское величество сгорают от любопытства и беспокойства! – В голосе Протасовой послышались капризные нотки.

«Черт бы тебя взял, уродина!» – выругался про себя Резанов, понимая, что попал в щекотливое положение. С одной стороны, по уставу он не должен ни при каких обстоятельствах оставлять свой пост. А пост его – в непосредственной близости от царской кареты, на что ему не раз указывал сам Потемкин. С другой – просьба исходила от самой особы, охрана которой была ему поручена. Ибо графиня Анна Протасова была и устами, и глазами императрицы, не говоря уж о ее официальном статусе старшей фрейлины. К тому же просьба исходила от дамы!

На фоне черной тучи, затянувшей почти все небо, белесые пики крымских гор выглядели все более зловеще. Начал накрапывать дождь.

Не произнеся более ни слова, Никола вонзил шпоры в бока Серому, который, устав крутиться в беспокойном томлении на одном месте, с благодарностью рванул вперед. Как будто дождавшись этого решения, дождь усилился, превращая дорожную пыль в скользкую жижу. О том, чтобы в таких условиях продолжать путь, не могло быть и речи. «Надо делать остановку», – заключил Резанов.

Причина задержки каравана стала очевидна, как только Никола приблизился к месту события. Здоровенная арба, запряженная парой быков, перегородила дорогу. Вокруг татар-погонщиков сгруппировались конногвардейцы, которые их отчаянно материли и пытались знаками толковать, чтобы они освободили дорогу.

Резанову хватило мимолетного взгляда, чтобы понять: это невозможно. Тем более «сию же секунду», как того требовали гвардейцы. Один из быков развалился на земле, громко храпя и часто забирая задними конечностями. Глаза его были на выкате, изо рта и носа шла розовая пена. Было ясно, что животное издыхает.

Татары перерезали ремни, приторачивавшие быка к дышлу, да, видно, поздно. Обломленная оглобля, а точнее, длинное, локтей в пятнадцать бревно, острым от перелома краем глубоко вошло в грунт. Сзади его подпирали вес арбы, которая, на беду, была доверху нагружена камнями. Татары только разводили руками, лопоча что-то нечленораздельное на своем наречии. При этом часто повторялись слова «кирдык» и «дурак»².

Видимо, это еще более раздражало гвардейцев. Особенно горячился молодой корнет, который, как петух, насккивал на несчастных татар:

– Сам ты дурак, морда бусурманская! Я вот тебе сейчас покажу, деревенщина, как дворянина дураком обзывать!

– Успокойтесь, корнет! Что здесь происходит? – властным окриком остановил его Резанов.

– Да вот, господин поручик, – корнет под взглядом Резанова вытянулся в седле, – басурмане дорогу перегородили и не хотят ее освободить.

– По-моему, это не так легко сделать, даже если бы они и понимали ваши справедливые требования, – холодно заметил Резанов.

– Вот-вот, господин поручик, – воодушевился тот, приняв слова Резанова за проявление одобрения, – ни черта не понимают, бестии!

– Кстати, корнет, слово «дурак» на местном наречии означает всего-навсего вынужденную остановку. Потрудитесь-ка лучше послать за рабочими! Двум татарам, даже при помощи вашей плети, здесь явно не справиться.

² **Кирдык** (тюрк. kirdik) – поломка; **дурак** (тюрк. durak) – остановка.

Глава восьмая

Происки фортуны

1787 год. Бахчисарайский тракт (продолжение)

Дождь усиливался. Дорога, еще совсем недавно пыльная и сухая, стала походить на русло небольшой реки. Татары, перерезав горло издыхавшему быку, стали распрягать второго, чтобы с его помощью оттащить с дороги тушу первого. Но несчастное животное, решив, наверное, что с ним собираются поступить так же, как с его павшим товарищем по упряжке, – даже животные перед лицом неминуемой гибели становятся чрезвычайно сообразительными, вдруг надумало подороже продать свою жизнь. Мотнув могучей башкой, увешанной парой длинных и прямых рогов, бык что есть силы рванул вперед. Один из погонщиков, как ватная кукла, взлетел на воздух и приземлился с распоротым животом прямо перед носом у пары лошадей первой подводы, которые уже давно нервно перебирали ногами. Одна из лошадей вздыбилась, вторая же, насколько ей позволяла упряжь, отпрянула назад. Более эффективного способа перевернуть подводу и придумать было нельзя! Телега, груженная ломами, кирками, лопатами и прочим инвентарем, необходимым в дальнем пути на случай возможного ремонта дороги, перевернулась, и ее содержимое посыпалось на дорогу.

Поднялся неимоверный переполох. Возницы следующих подвод стали в спешке ворошить свои экипажи в сторону, пытаясь увернуться от катящихся под ноги их лошадей ломов и металлических прутьев, что невероятно усугубило хаос происходящего.

Хуже всего было то, что арба, под которой потоки воды подточили грунт, стала медленно сползать в сторону обезумевших людей и животных. Вережки, удерживавшие ее поклажу, не выдержали и начали лопаться одна за другой. Тяжелые каменные блоки повалились на дорогу. Возницам первых экипажей наконец удалось развернуть обезумевших и рвущихся на свободу лошадей и стянуть с дороги свои упряжки. Но теперь между скользящей по грязи арбой, которая медленно набирала скорость, катясь по металлическим прутьям, как на салазках, и дормезом императрицы практически не осталось препятствий...

Резанов, еле сдерживая Серого, в ужасе взирал на образовавшееся вдруг побоище. Трупы быка и погонщика, перевернутая арба, влекомая собственной тяжестью по наклонной дороге, рассыпанные повсюду кирки, лопаты, груды камней. Ржание лошадей, крики погонщиков, мат мечущихся конногвардейцев, бабский пронзительный визг и совершенно открытый и незащищенный дормез императрицы – все это разом отпечаталось в мозгу Резанова. Надо было что-то делать, и очень быстро.

– Егоров! – скомандовал Резанов. – Ко мне! Делай, как я!

Николя соскочил с коня, который с нервным ржанием и видимым облегчением порысил куда подальше от этой неразберихи, и, придерживая одной рукой шляпу, закрывающую его глаза от потоков ливня, постоянно поскальзываясь, бросился к арбе.

Резанов схватил валявшийся на земле металлический прут и со всего размаху воткнул его перед деревянным краем арбы. Но то ли грунт был каменистый и прут недостаточно глубоко вошел в землю, то ли арба была слишком тяжелая, да только, задержавшись лишь на секунду, прут с громким чавканьем шлепнул в грязь. Деревянный бок арбы, нашедший еще более благоприятное «покрытие» для своего скольжения, резко рванул вперед на всю длину прута, развернув арбу боком к дормезу. Николя еле успел отскочить в сторону.

Но этого оказалось достаточно, чтобы и Егоров, и столпившиеся в растерянности конногвардейцы поняли идею Резанова. Все разом пришло в движение. Увидев выход из создавшегося положения, люди рванулись подбирать с дороги рассыпавшиеся прутья, ломы, лопаты,

кирки и что есть силы стали вбивать, втыкать, вколачивать их под бока арбы, пытаясь остановить ее движение.

Это на какое-то время помогло, но появилась другая опасность. Подпертая ломami и прутьями, но все равно влекомая своим весом вниз подвода стала крениться, грозя вывалить оставшиеся каменные глыбы на дорогу.

– Корнет, ко мне! – закричал Резанов.

Вместе они схватили валявшуюся на дороге оглоблю, служившую дышлом злосчастной татарской повозки, и попытались подпереть ею верхний край накренившейся арбы, воткнув другой конец в размокшую слякоть дороги. Или оглобля была надломлена, или вес каменной пирамиды непомерно тяжел, да только деревяшка с сухим громким щелчком вдруг переломилась, как лучина, и Резанов ощутил пронзительную боль в боку.

То, что происходило дальше, он помнил плохо. Скорее всего, на какое-то время он потерял сознание. А когда очнулся, то обнаружил себя лежащим на земле на краю дороги. Склонившиеся над ним конногвардейцы держали шляпы над его лицом, пытаясь прикрыть его от потоков ливня. Бок горел огнем. Резанов сделал движение, пытаясь подняться, но в бессилии вновь повалился навзничь, успев заметить, что здоровенная щепка величиной с кавалерийскую саблю, отколовшаяся от оглобли, торчала из его окровавленного бока. Пропитанный грязью и кровью мундир неприятно давил на рану. Николя вдруг почувствовал озноб.

– Что случилось? – тихо спросил он, пытаясь сдержать стук зубов.

– Да вот, ежели б не корнет, который выпихнул вас в последнюю секунду, засыпало бы вас камнями, господин поручик! Как есть засыпало бы! – От горячего дыхания Егорова несло табаком и луком.

Резанов невольно поморщился и отыскал глазами лицо молодого конногвардейца. Корнет озабоченно смотрел на раненого. Черты лица его показались Резанову знакомыми. Прошло некоторое время, прежде чем Николя сообразил, что в какой-то степени корнет напоминал ему его самого. Те же пепельные волосы, убранные сзади в косицу, чтобы не носить парика, те же черные брови, тот же прямой тонкий нос, точеный подбородок... Правда, глаза в отличие от резановских у корнета были карими.

– Спасибо, корнет. Я ваш должник. Если оправлюсь... – морщась, тихо вымолвил Резанов.

– Рана не опасна, господин поручик, – кивнув, с симпатией проговорил корнет. – Уже послали за носилками, а ее величество – за своим лекарем!

Упоминание об императрице сразу восстановило в памяти Резанова последние события. Он попытался приподняться на локте.

– Что с арбой?! – в волнении спросил он.

– Как каменья-то повывалились, так они сами дорогу-то и загородили, – успокоил его Егоров. – Так что все обошлось, господин поручик!

Подошла лекарская подвода. Солдаты, стараясь не потревожить рану, из которой все еще торчала бурая от крови щепка, бережно уложили поручика на носилки. Когда его перекладывали в подводу, Резанов, как будто вспомнив что-то, повернул голову:

– Корнет, передайте императрице... что... я на время вынужден оставить свой пост... – К боку как будто приложили раскаленную головню. – И, да... это... как зовут-то вас? – собрав последние силы, спросил Николя молодого человека.

– Зубов, господин поручик, – вытянулся под его взглядом корнет. – Платон Зубов.

– Зубов... – прошептал Резанов, – запомню... – Дальше он, по-видимому, опять потерял сознание, а очнулся уже в другой реальности.

Глава девятая

Разрыв времени

1787 год. Ак-Мечеть

Всю дорогу, точнее, в те минуты, когда ему удавалось вынырнуть из забытья, Николя пытался определить, куда его везут. Под попоной, которой его прикрыли от дождя, сделать это было не просто. Но когда дождь закончился и откинутый полог наконец позволил ему наполнить легкие долгожданным свежим воздухом, Резанов, используя проблески сознания, приступил к изучению своего положения.

Первое, что он увидел и что его порадовало, – злосчастная деревяшка извлечена из тела, а рана крепко и искусно перевязана. Хотя и смутно, но он помнил, что щепу из его тела извлек сам Роджерсон, личный доктор императрицы. Далее в памяти шел провал. Потом поручик очнулся от какой-то горячей гадости, которую ему вливали в рот, после чего его тело практически полностью онемело. В этот момент его переложили, по-видимому, на подводу, на мешки, и куда-то повезли. Тогда, помнится, он позволил себе отключиться. Неизвестно, сколько прошло времени, но когда сознание вновь к нему вернулось, был уже вечер, и повозка катила по относительно ровной дороге.

«Наверное, везут назад в Ак-Мечеть, или, как его теперь величают, Симферополь», – сделал заключение Резанов. По крайней мере, сам бы он распорядился отправить раненого именно туда. До Ак-Мечети было гораздо ближе, чем до Бахчисарая, и после того, как по приказу светлейшего эту забытую Богом татарскую деревушку стали переделывать в новую столицу Таврии, именно там можно было найти и довольно приличный постоялый двор, и даже военный госпиталь, оставленный Долгоруким и Суворовым после их последней победоносной крымской кампании.

Тело все еще плохо его слушалось, особенно шея, которая совсем не ворочалась. Видимо, затекла от довольно неудобного лежания на плотно набитом соломой мешке. Николя попытался, насколько мог, скосить глаза сначала в одну сторону, потом в другую, чтобы определиться на местности. Но ничего, кроме чахлого кустарника, редевшего вдоль дороги, он не увидел. Зато уловил краем зрения фигуры трех измайловцев, которые верхом следовали за повозкой. Николя успокоился и прикрыл уставшие глаза.

Наверное, Николя вновь впал в забытье, так как, когда он в очередной раз открыл глаза, ему почудилось, что «порвалась связь времен», как говорилось в запрещенной пьесе³.

Над его головой ослепительно сияло солнце, излучавшее такой яркий и, главное, ровный свет, какого ему до сих пор видеть не приходилось. Прошло некоторое время, прежде чем Резанов понял, что это вовсе не солнце, а какой-то светильник. Правда, весьма необычный. Тут он опять вспомнил про Роджерсона, который как придворный лейб-медик сопровождал Екатерину в путешествии. «Небось аглицкий светильник-то...» – почему-то с раздражением заключил Николя.

Далее, когда хоровод темных пятен в его глазах пошел на убыль, он различил, что были это вовсе не пятна, а головы. Какие-то люди склонились над ним и что-то делали. Что именно, Резанов не определил, потому что не только ничего не чувствовал, но даже не мог пошеве-

³ Цитата из пьесы Шекспира «Гамлет», которая была запрещена при дворе Екатерины как произведение вредное и опасно намекавшее на ситуацию, сложившуюся вокруг российского престола после убийства императора Петра III, мужа Екатерины, в результате которого она и оказалась у власти. Их сын, будущий император Павел I, не раз сравнивал себя с «несчастливым принцем Датским».

литься. Странные люди были в колпаках, надвинутых по самые брови, а рот и нос у них закрывали широкие повязки.

«Турки, что ли?» – мелькнула у Николя одинокая мысль, но додумать ее он не успел. Один из странных незнакомцев, заметив, что Николя пришел в себя, накрыл его рот и нос какой-то склянкой, от которой тянулась гибкая трубка, и Резанов вновь ухнул в черную бездну.

Часть вторая Баловни судьбы

*Не храбрым – победа, не мудрым – хлеб,
и не искусным – благорасположение,
но Время и Случай для всех...*

Екклесиаст

Глава первая Академия времени

*Наше время. Санкт-Петербург. Набережная Мойки,
дом 72*

Дмитрий и Марго давно облюбовали это кафе, которое по иронии судьбы располагалось в особенном для них доме. Именно здесь находилось когда-то Управление делами Российско-Американской компании. На особняке висела табличка, гласящая о том, что здесь в двадцатых годах девятнадцатого века располагалась редакция альманаха «Полярная звезда» и жил декабрист Кондратий Федорович Рылеев. Ни о компании, ни о должности, которую он в ней занимал, ничего не упоминалось.

Спешащие по своим делам пожилые ленинградцы и молодые петербуржцы по большей части даже представления не имели, какие здесь когда-то разворачивались драматические события, в гущу которых благодаря провидению Дмитрий и Марго были заброшены так неожиданно и таким мистическим образом. Провидение, впрочем, имело свое, прочно укоренившееся между ними название – Аномалия⁴.

Все началось утром того памятного дня, когда Дмитрий чуть было не проспал поездку в аэропорт. Он должен был лететь в Америку, на съемки репортажа об истории бывшего русского поселения Форт Росс в Калифорнии. Вернее, проспять бы он не проспал – Фима, его оператор, и Марго, которая исполняла в их маленькой съемочной группе обязанности администратора и заодно звукорежиссера, – не позволили бы. Они заехали за ним по дороге в аэропорт. Но реальная угроза опоздать на рейс в Сан-Франциско была.

Виной всему была ночь, которую Дмитрий провел накануне. Он до сих пор не совсем понимал, как оценить события, произошедшие тогда, а точнее, их последствия. Он что-то не припоминал, чтобы когда-либо в своей жизни проваливался в такой беспробудный сон, как это случилось с ним в ту памятную ночь. Бывало, что перебирал с выпивкой, с кем не бывает. Но Дмитрий уже давно не юнец, организм свой изучил и управлял им вполне сносно. Добрался же он как-то до сорока лет, да еще и сумел сохраниться так, что больше тридцати ему никто не давал. И не только девушки. Впрочем, женский пол, как он уже давно заметил, вообще плохо разбираются в мужском возрасте – может быть, потому, что возраст мужчин интересует женщин в последнюю очередь.

В общем, как бы там ни было, а случившийся с ним конфуз, который ему удалось тогда «успешно» скрыть от своих друзей, продолжал сидеть где-то в глубинах его души достаточно ощутимой занозой, при этом генерируя какое-то необъяснимое беспокойство.

⁴ Эти события подробно описываются в романе «Форт Росс», первой книге серии.

Теперь, когда у Дмитрия наконец появилось время и не надо было думать о выживании, он все чаще возвращался к событиям той ночи. Более того, он интуитивно чувствовал, что тот его беспробудный сон мог быть как-то связан с последовавшими за ним событиями.

Марго он пока о своих переживаниях не рассказывал. И не потому, что пришлось бы объяснять наличие в этой истории Лены, своей бывшей пассии, – участницы той ночи. Марго о Лене знала, их знакомство произошло у нее на глазах, и было это еще в те времена, когда у Дмитрия и Марго были рабочие отношения, без всякого намека на какой бы то ни было «служебный роман». А потому, что у него самого вопросов пока было больше, чем ответов. И главным среди них был вопрос о непонятном исчезновении Лены после той ночи.

С Леной Дмитрий познакомился недели за три до этого. Отношения их, окрашенные новизной, были в самом разгаре. Лена Дмитрию очень нравилась. Она была чрезвычайно сексуальна, умна и даже, как он сам для себя отмечал, «не по годам мудра». Работая в цветочном магазине, Лена училась на помощника адвоката, то есть была деятельна, активна и независима. Накануне командировки в Калифорнию Дмитрий и Лена решили устроить «ночь прощания». А потом Лена пропала.

В этом не было бы ничего загадочного – ну, решил человек вот так, «не попрощавшись», закончить отношения, если бы не те фантастические события, которые вслед за этим последовали.

Дмитрий пока предпочитал держать свои размышления про Лену при себе. Как минимум до того времени, пока не выстроит интуитивные и туманные предположения в какую-то хоть мало-мальски стройную концепцию, которую он мог бы представить Марго, не боясь показаться «обиженным любовником», которого бросили.

Все, что последовало за той знаменательной ночью, драматическим образом перевернуло жизнь Дмитрия и его друзей. Водоворот невероятных событий закрутил их настолько, что сейчас им в срочном порядке приходилось заново выстраивать всю систему своих «жизненных ценностей». И произошло все это с Дмитрием и Марго – и немыслимый «провал» на двести лет в прошлое, в форт Росс, в эпоху расцвета Русской Америки, и обретение ими возможности путешествовать во времени с помощью айфона, и приключения, которые за этим последовали, – всего каких-то пару месяцев назад! Еще в июне Дмитрий работал одиноким собкором российского телеканала в Штатах, а уже в сентябре, еле выбравшись целым и невредимым из своего невероятного путешествия во времени, стал кадетом академии, о существовании которой, как и большинство его соотечественников, не имел ни малейшего представления.

Согласитесь, не у каждого человека хватит в подобной ситуации здоровья оставаться элементарно ментально стабильным! А если к этому добавить, что по ходу всех этих немыслимых перипетий Марго как-то незаметно перешла из статуса его «звукорежиссера» в статус «герл-френд», да еще спасла ему жизнь, тут уж, как говорится, у кого хочешь может крышу снести.

Природа того экстраординарного явления, благодаря которому у Дмитрия появилась возможность запросто шагать в прошлое и обратно, так и не была еще до конца осмыслена. Даже сейчас, когда и он, и Марго, опять же по уникальному стечению обстоятельств, оказались в рядах секретного подразделения ХРОНОС Федеральной службы времени, их случай все еще вызывал споры специалистов, которые ломали над ним головы в закрытых научных лабораториях ФСВ. Концептуально, с точки зрения физики Времени, все было более или менее понятно. Ребята, по всей видимости, попали в воронку временной «червоточины», или, как ее называют физики, «вормхол»⁵.

⁵ Wormhole (англ.) – червоточина.

Подобные вихреки⁶ мистическим образом были разбросаны по всему полотну пространственно-временного континуума Вселенной. С точки зрения логики система расположения подобных «червоточин», существование которых давно уже предсказали ученые, оставалась не совсем понятной. Это было как-то связано с электромагнитными полями, которые пронизывают пространство-время вдоль и поперек, образуя некую решетчатую структуру. Точки пересечения полей, или узлы этой невидимой энергетической решетки, при определенных условиях могли превращаться в точки воронкообразного «прободения» на теле материи.

На одном конце энергетические воронки имели «всасывающий» эффект, на противоположном – соответственно выталкивающий. Но удивительно другое – поскольку пространство-временной материи Вселенной было искривлено в разной степени, то в некоторых местах подобные вихреки соединяли разные точки на поверхности Вселенной. Существовала даже теория, что образовывались эти «червоточины» именно там, где пространство в своем немыслимом изгибе приближалось само к себе слишком близко.

Представьте лист бумаги, который вы согнули таким образом, что две стороны поверхности почти вплотную приблизились друг к другу. Вот в этих местах сближения, если представить себе, что лист есть пространственно-временное полотно Вселенной, и случаются подобные «спайки», соединяющие разные точки пространства. Это достаточно примитивное описание феномена хотя бы потому, что лист бумаги в результате наших манипуляций так и останется трехмерной фигурой.

А если учесть, что пространство-время многомерно, то можно понять, что мы лишь отдаленно и очень поверхностно можем приблизиться к постижению этой теории. Что уж говорить о ее полном понимании! Более того, как только мы начинаем хотя бы приблизительно понимать, как и что «работает» во Вселенной, обязательно происходит новое «открытие», которое опять повергает научный мир в состояние шока. Последние мозговые прорывы ведущих гениев науки привели к тому, что ученые стали склоняться к предположению, что подобные «спайки» могут соединять не только две точки одной поверхности, пусть и изогнутой, но и точки в разных измерениях.

Фантасты первыми стали использовать подобные «воронки» и для путешествий в другие миры, и для «перелета» в другие галактики. Правда, бесстрашные астронавты использовали «червоточины» достаточно узко: в основном для покорения необъятных просторов Вселенной, то есть всего лишь перемещаясь по «полотну» Пространства. Хотя ничто в принципе не мешает использовать такой же портал и для перемещения во времени!

Человеческому сознанию, историческое развитие которого происходило в системе трех координат, многомерную картину мироздания представить до конца вряд ли удастся. Но отдельные ее части вообразить все же можно. Особенно человеку современному, увлекающемуся физикой и имеющему элементарные задатки пространственного воображения. Воспринял же человеческий мозг понятие «четвертого» измерения, коим является время. И произошло это совершенно незаметно. И вот мы, сами того не замечая, уже ежедневно пользуемся четверичной системой координат. Назначаем свидание в доме, находящемся на пересечении таких-то двух улиц, – вот вам первые две координаты «плоских» шкал X и Y. Дальше добавляем, что надо подняться в квартиру такую-то, скажем, на четвертом этаже, – вверх поползла шкала третьего измерения, шкала «высоты» Z. «А ждать мы вас будем в час дня», – уточняем мы, не осознавая, что только что добавили четвертую координату, или «четвертое» измерение. И не замечаем тоже не случайно. Координата эта не линейна и поэтому кажется нам условной, потому что его, это «измерение», нельзя изобразить на бумаге, а значит, и представить. Но с точки зрения физики условностей не бывает, или, точнее, всякая условность немедленно приобретает свои физические параметры. Так произошло и со временем.

⁶ Vortex (англ.) – воронка, образованная спирально завихряющейся жидкостью.

В общем, до понимания того, что любая точка в пространстве движется еще и во времени, и что пространство таким образом со временем неразрывно «спаяно», и одно не может существовать без другого, было уже рукой подать.

Глава вторая «Аглицкий дохтур»

1787 год. Ак-Мечеть. Постоялый двор

Нельзя сказать, чтобы Емельян Егоров отличался какой-то особой сообразительностью. Верностью делу и службе – безусловно. Честностью – несомненно. Но каких-либо других качеств, которые помогли бы ему продвинуться по службе, не проявил. Именно поэтому он в свои почти сорок лет прочно застрял в фельдфебельской должности и сержантском звании. И это его вполне устраивало. Дураком и простофилей его, кстати, тоже никто не называл. И не потому, что обидчиков могли остановить косая сажень в плечах и богатырский рост Емельяна Савельевича, из-за которых он и угодил в свое время в привилегированный Измайловский полк, а просто потому, что он таковым не был. Ведь не всем же, в конце концов, за чинами гоняться да «карьер» строить. Кому-то надо и служить, то есть честно выполнять порученное дело.

Можно сказать, что Егоров был образцовым солдатом. С инициативами не лез, но и в кустах не прятался. Другими словами, честно тянул свою солдатскую лямку. Хотя, конечно, служба, которая выпала на его долю, научила его многому. Шутка ли сказать, последнюю русско-турецкую кампанию, победоносную, прошагал от первого дня до последнего, как говорится, «от трубы до трубы»! «Тут тебе, брат ты мой, такая школа жизни, какую никакими умными книгами не возьмешь, – любил говаривать Емельян и всегда добавлял: – Храни Господь его сиятельство, фельдмаршала нашего, Суворова Александра Васильевича, на долгия годы!»

Погрузившись в воспоминания, Егоров размашисто перекрестился. Сослуживцы его, подпрапорщик Григорьев и рядовой Хресков, входившие в конвой, посланный сопровождать раненого Резанова, трусили по бокам обоза. Хресков на ходу дремал, а Григорьев, заметив жест Егорова, озорно подмигнул.

– Чё, Емельян Савелич, никак нечистый привиделся? – придурковато хихикнул он.

– Сам ты нечистый, Григорьев! Будя чертей-то средь бела дня поминать! Смотри, накличешь беду! – И Егоров озабоченно покосился на поручика, который белый как снег неподвижно лежал на мешках в телеге.

Фельдшер Макшаллан, приставленный Роджерсоном смотреть за Резановым, неподвижно сидел рядом с раненым и тупо глядел в сторону, на однообразный степной пейзаж. Маклашка, так его прозвали в полку солдаты, будучи, как и Роджерсон, британского «замесу», русский знал плохо, потому по большей части молчал.

«Да... чтоб вы тут мне ни говорили, а все хуже нашему Николаю Петровичу! Это я вам как на духу скажу!»

Ясное дело, что подобные монологи Егоров произносил про себя, вслух высказываться он не мог, да и не спрашивал никто его мнения.

«Как щепу-то из бока у поручика-то достали, да как Роджерсон-то ему отвара дал, так хоть и не в себе были-с их благородие, а прям так и зарумянились, Николай Петрович-то. А рану-то перевязали, да кровь-то как остановили, так и в себя пришли-с даже, поручик-то наш. Да тут, на беду, Роджерсон Маклашку энтото приставил! А он, вот ей-ей, не почудилось мне это, злым зельем их благородие потчует! От меня ить ничего не укроется!» – репетировал сержант в уме свой рапорт, который решил направить не кому-нибудь, а самому Потемкину. «Светлейший-то британцев не сильно жалует в отличие от матушки-то...»

И действительно, по непонятным причинам Резанову ни с того ни с сего становилось все хуже и хуже. Опять послали за Роджерсоном. Прибыв, лейб-медик сразу же накинудся на

Макшаллана с вопросами. Особо уследить за тем, что именно он спрашивал, не было никакой возможности, так как два англичанина сразу же заговорили по-своему, но часто повторяемое слово «инфекшин»⁷ было понятно. Инфекция она и есть инфекция, на каком языке ни говори. И слово это было встречено всеобщим унынием. Хоть Резанов и был в полку новичком, но относились к нему, особенно младшие по званию, с уважением. Пусть не от мира сего – что правда, то правда, – но офицер знающий, глотку на солдатскую братию понапрасну не драл да и рукам волю не давал, как другие. В общем, служить было можно. Что болезный какой-то, заботный, так то Егоров сразу узрел. Что-то точило его изнутри. Егоров таких офицеров редко, но встречал. Причин тут могло быть две: либо страдал офицерик, потому как не в силах был привыкнуть к лямке солдатской, либо слишком быстро вверх шагнуть хотел.

«А тут ведь, брат ты мой, можно и порты порвать, ежели шибко широко ступать-то!» – резонно замечал про себя Егоров. Короче, что именно мучило молодого поручика, он определить не мог, а теперь вот, похоже, и не сможет...

Было понятно, что в таком состоянии Резанов далее продолжать путь не способен, а потому приняли решение отправить его на подводе назад в Симферополь, приставив к нему охрану и доктора. Медиком послали, конечно, Маклашку, а кого еще? Не сам же Роджерсон, оставив императрицу, поедет! Ну а в конвой Егоров напросился. Уж больно жаль ему было молодого офицера.

И вот теперь Егоров хмуро поглядывал на несчастного Резанова, которому становилось все хуже и хуже, на доктора, отрешенно смотревшего в сторону, и горько думал о том, что, пожалуй, и до Симферополя Николай Петрович может не дотянуть.

Вот тут-то он и принял решение остановиться на одном из ближайших постоянных дворов, которые перед въездом в город стали попадаться все чаще.

Ткнув, что называется, пальцем в небо, Егоров, на удачу, попал даже не на постоянный двор, а в целую усадьбу. Судя по количеству прислуги, заведение было на подъеме. Подвода, окруженная лейб-гвардейцами, естественно, привлекла к себе всеобщее внимание. Жизнь на постоялом дворе замерла. Все застыли кто с чем, плясь на неожиданных гостей. Навстречу Егорову выкатился сам хозяин в широченных синих запорожских шароварах. На голове его красовалась красная турецкая феска. По толстой и лоснящейся роже определить его национальную принадлежность не представлялось никакой возможности. Черные, висящие почти до груди усы, как у запорожцев, в ту эпоху почему-то страстно возлюбили почти все южные народы. И турки, и греки, и валахи, и вахкцы, и караимы, и армяне, и черт те кто еще, включая цыган! Поэтому особо задумываться над этим вопросом Егоров не стал, а, приосанившись и придав себе как можно более грозного вида, что в общем-то было уже излишним, натянул поводья коня.

– Чего изволят господа офицеры? – достаточно чисто, прямо-таки по образованному, пролепетал согнувшийся в поясе хозяин.

«Грек, наверное», – решил Егоров. И рывкнул:

– Комнаты изволим! По приказу ея величества! Весь этаж забираем! Потрудись-ка освободить, да побыстрей! У нас раненый!

– Сейчас будет исполнено, вашблагородь!

Хозяин метнул взгляд на дворню, и та, толкаясь и гремя ведрами, кинулась готовить помещение для вновь прибывших. Хозяин тем временем приблизился к телеге.

– Ай-яй-яй, совсем молодой господин офицер-то! – запричитал он. – А опасна ли рана?

– Жар у него, – неохотно ответил Егоров.

– Жар? – удивился грек, как про себя окрестил его Егоров. – Так у меня цыганка есть, она любой жар своими отварами как рукой снимает!

⁷ The infection (англ.) – заражение.

– Ты вот что, мил человек, – смягчился немного Егоров, видя искреннее сопереживание заботливого хозяина, – ежели помочь хошь, так ты комнату его высокоблагородию побыстрее приготовь да кровать застели. А мы тут без цыган как-нибудь справимся. И у нас, вона, дохтур иностранный с собой! Персона важная, дело государственное – так что давай пошевеливайся!

Надо сказать, что не зря постоялый двор имел вид вполне процветающего заведения. Сделано все было молниеносно. Еще упряжных лошадей не успели расхмутать да коней расседлать, а грек уже с низкими поклонами приглашал важных постояльцев занять свои комнаты. Хозяин выделил гостям, как они и требовали, второй этаж отдельно стоящего флигеля. По одну сторону длинного коридора располагалось две комнаты, по другую – одна, зато большая и просторная. В конце коридора была дверь, по-видимому, на запасную лестницу.

Егоров распорядился внести Резанова в большой покой. Одну из комнат напротив выделил доктору, а вторую решил разделить с Григорьевым и Хресковым. «Всем разом спать все одно не получится», – резонно заключил про себя Егоров.

– Слышь, Григорьев, тут пост ваш будет! – Егоров ткнул пальцем на лавку, стоявшую вдоль стены у дверей, куда занесли Резанова. – Сидите тут, пока я пойду коней проверю.

Но выйти Егоров не успел. В дверь навстречу ему, позевывая, лениво просунулся «дохтур» со своим саквояжем.

«Вот же бесполезное отродье, – в сердцах подумал Егоров. – Токмо и ждет, каналья, как их высокоблагородь душу отдаст. Ужо совсем перестал лечить!»

А потом...

Потом Егоров увидел такое, что заставило его на мгновение забыть все на свете.

Глава третья

Картина мироздания

Наше время. Санкт-Петербург. Академия Времени

Дмитрий даже предположить не мог, что все те вопросы, которые он когда-то благополучно проспал на уроках физики, теперь настолько будут занимать его воображение. Приходя домой после теоретических занятий, они с Марго до полуночи обсуждали все, что на них услышали. Конечно, на это была вполне определенная причина. Теперь эти знания стали частью их жизни и очень многое зависело от того, насколько хорошо они будут ориентироваться во вновь обретенном «жизненном пространстве». Конечно, можно было бы и не «париться» на тему высших материй – какое, в конце концов, тебе дело, как именно совершается временной переход. Дави на кнопку айфона и выполняй порученное тебе задание! Но так уж устроен человек, что рано или поздно всем его сознанием неминуемо овладевает вопрос: «А как это работает?» Поэтому в Академии Времени, где ребята сейчас проходили стажировку, считали, что лучше в этом разобраться сразу, насколько, конечно, это позволит тебе интеллект, чем однажды зависнуть в подпространстве.

До понятия «подпространство», точнее, до объяснения, как и почему там можно зависнуть, Дмитрий и Марго пока не дошли. Они слышали неоднократно этот термин, которым пугали новичков второкурсники, и его таинственное звучание заставляло их бессонными ночами таращить глаза в темноту. Но каждый день преподносил им столько всего «нового» и «непостижимого», что с подпространством пришлось пока обождать. Тем более они понимали, что рано или поздно придет и его время.

Кстати, с айфонами после того случая, когда благодаря этому аппарату Дмитрий и его друзья случайно «провалились» в прошлое, тоже произошла интересная история. Этот прибор оказался настолько приспособленным к функциям пространственно-временного транспортера, или ПВТ, что ученые из ХРОНОСа практически полностью отказались от своих собственных разработок и перешли на смартфоны. Кроме того, легко решался и вопрос конспирации – смартфоны сегодня есть чуть ли не у каждого второго жителя планеты. К тому же они обладали еще и множеством других неоспоримых достоинств, таких, как фото- и видеокамера, система глобальной ориентации, карты, звукозаписывающее устройство, да мало ли что еще! Конечно, были и неудобства. Например, то, что в нашем времени могло служить маскирующим элементом, – подумаешь, смартфон, у кого его нет! – в прошлом, наоборот, прямо-таки «кричало» о себе. Но серийный ПВТ ХРОНОСа тоже мало походил на каменный топор, к тому же был более громоздким. Поэтому все смирились с айфонами. По крайней мере, их было легче спрятать под одеждой.

Но где-то в таинственных недрах засекреченных лабораторий ФСВ оставалась еще маленькая группка ученых, которая с презрением поглядывала на смартфоны как на исчадие «вражеских структур». Сторонники конспиративных теорий даже полагали, что «глобалисты» специально подкинули этот гаджет в мир, чтобы завладеть сознанием человечества и, поставив его под свой контроль, незримо править миром. Их, как водится, мало кто слушал, все от них просто отмахивались. Но «конспиративщики», обидевшись на всех и вся, в полной изоляции продолжали работать над созданием своего, отечественного ПВТ какого-то нового поколения. Что, впрочем, всех устраивало: общаться с гениями – дело неблагодарное, а порой и совершенно бессмысленное. К тому же эти ребята ушли настолько далеко вперед от своих современников и всего того, что на данном этапе знала официальная наука, что даже понять то, чем они конкретно занимались, было совершенно невозможно.

В академии существовало негласное мнение, особенно популярное среди первокурсников, что все эти Эйнштейны на самом деле – ученые из будущего. Но поскольку на конкретно поставленный вопрос: «А на кой черт их надо было сюда тащить из будущего, если можно просто получить готовые знания или технологии?» – вразумительного ответа обычно не поступало, то и от этих сторонников теорий «нераскрытых заговоров», как правило, тоже все отмахивались. Хотя лично Дмитрию все эти предположения казались вполне имеющими право на существование. Но на то он и был первокурсник.

* * *

По странному стечению обстоятельств, а может быть, наоборот, по тонкому расчету Академия ФСВ располагалась в здании Морского корпуса, одного из старейших российских высших военных учебных заведений. Дмитрий видел в этом даже некий перст судьбы. Единственное, о чем он жалел, что когда в 1820 году, будучи в Русской Калифорнии, сидел у племенного костра индейского племени кашайя с лейтенантом российского флота Завалишиным, не мог тому похвастаться, что они были «однокашниками»; Дмитрий учился в том же учебном заведении, что и Завалишин, только двести лет спустя.

Понятное дело, что в Морском корпусе никто и понятия не имел о существовании этого необычного курса. Академия Времени ведь только называлась этим гордым словом – академия. На самом деле «хроников», как сами себя окрестили курсанты, было не более сорока, примерно поровну курсантов и курсанток. Самым приятным для Дмитрия оказалось то, что студенты были почти всех возрастов. Последнее время Дмитрий стал ревниво относиться к своему возрасту. Физически он его никак не замечал, но, глядя на Марго, немного комплексовал, понимая, что мог бы вполне сгодиться ей в отцы. Конечно, Марго и не догадывалась, какие мысли блуждали у ее возлюбленного. Как правило, женщины перестают замечать разницу в возрасте ровно с того момента, как «он» становится «их» мужчиной. Так уж, по-видимому, запрограммировано природой.

В большинстве курсантов безошибочно угадывались люди с военным прошлым. Есть какие-то неуловимые признаки, которые мы обычно называем военной выправкой. Они остаются в человеке навсегда, и скрыть их сложно даже от постороннего наблюдателя. Но были среди курсантов и явно гражданские – начиная с юнцов, неизвестно как попавших в академию, и заканчивая двумя дамами, которым, как казалось Дмитрию, было даже за пятьдесят.

Распространяться о своем прошлом в академии было не принято. Служба, или, точнее, служение, к которому готовили себя курсанты, не подразумевала свободного общения с «внешним миром». Каким-то шестым чувством Дмитрий понимал, что каждый из его сокурсников, так же, как и он, попал в академию не случайно, и возможно, тому тоже предшествовали какие-то свои чрезвычайные обстоятельства.

К тому же практически в первый день кадетам объяснили, что каждый из них проведет в этих стенах отпущенное только ему время и что срок их пребывания в академии решается совсем в другом месте. И в то время, пока они изучают положенный каждому предмет или курс, там – дальше палец обычно указывал вверх – их тоже очень внимательно изучают. Первый приказ, который они получили и который был негласным законом академии, – прекращение каких-либо дискуссий и обсуждений индивидуального опыта каждого.

Да и когда это было обсуждать? Всех или почти всех курсантов вместе собирала одна-единственная лекция – это «практическая история», на которой в отличие от обычного курса истории упор делался не на хронологический или политический аспект, а на социальную антропологию. Да еще физическая подготовка – кадетов обучали владению всеми видами холодного оружия и верховой езде.

В определенном смысле Дмитрий и Марго находились в привилегированном положении. Они были «парой», и потому в будущем, а вернее, в прошлом, им предстояло вершить совместные дела. К тому же оба были прикреплены к группе полковника Синицына. Хотя даже у них были разные «лабораторные» занятия, подразумевавшие практическое освоение пройденного материала. Кстати, только по этим занятиям и можно было хоть как-то судить о том направлении, к которому их готовили. Поначалу Дмитрия немного раздражало, что эти разовые задания им приходилось выполнять по отдельности. Но потом не только смирился, но даже пришел к выводу, что так, может быть, даже лучше. Не нужно было беспокоиться о близком тебе человеке в ситуации, как правило, приближенной к экстремальной. Проблем и так хватало.

К тому же их разлуки, как правило, были недолгими. Это там, по ту сторону портала, события, требующие их присутствия, могли тянуться дни или даже недели. А в современность «хронисты» возвращались приблизительно в то же самое время, в которое и покидали. Таким образом, их «отлучки» были практически незаметны.

Глава четвертая

Операция «Операция»

1787 год. Ак-Мечеть. Постоялый двор

По лестнице прямо на Егорова поднималась девица с небольшим подносом, на котором стояли четыре кружки с вином. От поэзии Егоров был далек. Сбитый войной и походами, склад его ума был достаточно практичен. Как и полагалось, он, конечно, верил и в Бога, и в нечистого, но более всего – в предначертание судьбы. Рано или поздно любой солдат, прошедший через множество сражений целым и невредимым, даже будучи, как Егоров, весьма далеким от того, что через много лет назовут мистицизмом, приходил к подобному осмыслению сути вещей.

И все же в тот момент Егоров даже немного струхнул. Дело в том, что он никогда не видел подобных красавиц. А уж перевидал Егоров баб за свою жизнь, что звезд на небе, – различных мастей и пород, и простых, и благородных. Но вот такой не только не видел, но даже и представить себе не мог! Незнакомка еще не перенесла ногу со ступеньки на ступеньку, а сержант, впившись в нее своим хватким солдатским взглядом и весь покрывшийся испариной, уже определил, что именно привело его в такое состояние. «Девка-то какая-то... ненастоящая!» Никакого другого слова Егоров подобрать не мог. «Ненастоящая, да и все тут!» – засело у него в мозгу.

Кожа смуглая и гладкая, как абрикос, зубы, сияющие устрашающей и неестественной белизной. Руки холеные, без единой «мозолилки-заковыринки». Разве такое бывает, чтобы они были абсолютно гладкие и чистые? Даже у благородных дам Егоров не видел таких рук! Но более всего сержанта поразила грудь незнакомки. Высокая и полная, во всю красу открытая взору широким вырезом валахского национального платья, она была настолько идеальной формы, будто ее вылепили или, точнее, выточили из камня. Более того, вся эта немислимая «красота» абсолютно не колыхалась при ходьбе. А уж такого – Егоров знал это точно – быть никак не могло. Так что и грудь тоже была не настоящая!

Меж тем красавица, даже не подозревая о том, какую бурю противоречивых эмоций вызвала в его душе, запросто подошла к Егорову и заговорила с ним. И не по-валахски, и не по-турецки, и не по-гречески, а на вполне нормальном русском языке:

– Хозяин спрашивает, не желают ли доблестные воины отведать домашнего вина с дороги? – Грудной и чрезвычайно мелодичный голос красавицы вполне соответствовал ее облику. Необычно подведенные изумрудно-зеленые глаза смотрели на Егорова весело и даже с некоторым задором, и оторваться от этих глаз, казалось, не было никакой возможности. За спиной Егорова послышался сначала свист, а затем изумленный голос Григорьева:

– От тебе раз! Это откуда такая цаца выискалась?!

– Цыц! – крикнул неизвестно на что рассердившийся Егоров. – А ну, смирно стоять! – рявкнул он вдруг так, что зазвенели склянки, которые Маклашка в это время бережно расставлял на столике у изголовья больного.

Британец вздрогнул и, обернувшись, уставился на гвардейцев своими невыразительными, водянистыми глазами. Григорьев и Хресков вытянулись во фронт и обалдело вытаращились на Егорова.

– Хозяин вона... вина прислал... – сконфуженно пробубнил Егоров, и сам не ожидавший от себя такой реакции. – Поставь вон там, – неуклюже махнул он рукой, указывая девушке на лавку.

Та, нисколько не смущаясь и продолжая ослепительно улыбаться, прошествовала мимо ошалело глазающих на нее вояк. Поставив поднос на лавку и присев в полупоклоне, девушка быстро удалилась, шурша разноцветными юбками и хихикнув на прощание.

Когда за ней хлопнула внизу дверь, Григорьев, к которому наконец вернулся дар речи, витиевато и со вкусом выматерился. Переглянувшись, лейб-гвардейцы молча подошли к лавке и, не сговариваясь, разом подняв кружки, залпом выпили оставленное для них вино.

То ли с устатку, то ли от выпавших на его долю за этот бесконечный день волнений, Егорову вдруг страшно захотелось спать. Причем так, что он, ни слова уже более не говоря, шагнул в свою комнату и, даже не сняв сапог, упал на набитый свежей соломой матрас. Григорьев и Хресков, зевая в полный рот, тоже повалились на лавку. Не прошло и минуты, как весь этаж огласил богатырский храп.

Изумленный доктор даже оставил приготовление своих снадобий и опять выглянул в коридор. Окинув храпящих на разный манер лейб-гвардейцев презрительным взглядом, Макшаллан покачал головой и вернулся к своим занятиям.

Стемнело. Луна еще не взошла, и за окном черной бездной зияла непроглядная южная ночь. Оглушительно трещали цикады. Макшаллан запалил масляную лампадку у изголовья больного. Маленькой серебряной ложечкой зачерпнул из склянки только что приготовленное зелье и осторожно поднес его к губам лежащего в беспамятстве больного. Влив жидкость, доктор распрямился, вылил остатки в таз для отходов и, поглядев еще раз на Резанова, который не подавал никаких признаков жизни, почему-то удовлетворенно потер руки и прошествовал в свою комнату.

Проходя мимо охраны, он на минуту остановился, взял четвертую, не тронутую кружку с вином и залпом, вполне по-русски, осушил ее. Удовлетворенно крикнув, Макшаллан шагнул в отведенные ему покои и плотно затворил за собой дверь. Практически сразу к богатырскому храпу гвардейцев прибавился тонкий, с посвистыванием, докторский.

Минут пять казалось, что постоялый двор погрузился в полную спячку. Но затем дверь внизу хлопнула и на лестнице послышались осторожные шаги. Все та же красавица, которая произвела на Егорова и его товарищей столь неотразимое впечатление, поднялась на второй этаж. Правда, на этот раз она была не одна, а в сопровождении неизвестно откуда взявшегося лейб-гвардейца. Своим богатырским видом он очень походил на Егорова. Тот же рост, та же косая сажень в плечах, так же надвинут на лоб парик под треуголкой. Его вполне можно было бы принять за сержанта, если бы тот в эту минуту не украшал хоровое храпение наиболее низкими руладами.

– Ну вот, вроде все готово, Борис Борисович, – оглядываясь на развалившуюся на лавке охрану, серьезным тоном сказала красавица.

– Отлично, – коротко заметил «Егоров № 2». Он прогремывал ботфортами в конец коридора и подергал ручку двери. Оказалось, что это был никакой не выход на «запасную» лестницу, а достаточно просторный чулан с ведрами и коромыслами.

– Еще есть свободные помещения, Марго? – не оборачиваясь, спросил «гвардеец».

– Никак нет, – по-военному ответила ему Марго. – Все остальные комнаты заняты, Борис Борисович.

Борис Борисович Сеницын, полковник Федеральной службы времени и руководитель спецподразделения ХРОНОС, с одобрением взглянул на девушку. «Молниеносно осваивается в новой ситуации! Незаменимое для нас качество...» – подумал он и вслух сказал:

– Ну и ладно, примем бригаду здесь... Готовь пациента, я сейчас.

Достав из кармана айфон, Сеницын шагнул в чулан и захлопнул за собой дверь. На фоне плохо освещенного коридора было хорошо видно, как за дверью вспыхнул синеватый свет, затем он погас, и послышались человеческие голоса. Не прошло и минуты, как дверь широко распахнулась, и в коридор вывалились, изумленно оглядываясь по сторонам, три человека, одетые в униформу медработников: в бахилах, масках, шапочках, с реанимационным чемоданом и прочей медицинской техникой. Санитары с изумлением уставились на Марго.

– Это что за маскарад? – спросил один из врачей, оглядываясь на Сеницына.

– Вы чего, ребята, кино, что ль, снимаете? – добавил другой, с нескрываемым восхищением пожирая глазами Марго.

– Клево! – добавила девушка, катившая за собой капельницу.

– Э... в какой-то степени можно и так сказать, – чуть замялся Сеницын. – А на съемках, как вы знаете, всякое случается. Вот и у нас тут... несчастный случай, так сказать... Марго, проводи, пожалуйста, медбригаду к больному.

– Пожалуйста, вот сюда. – Марго как ни в чем не бывало указала на дверь комнаты Резанова.

– А что, разве не эти? – спросил, по-видимому старший, указывая на гвардейцев, развалившихся и перегородивших ногами узкий коридор. – А то я уж хотел вас успокоить – обычный случай алкогольной токсикации.

– Да нет, к сожалению, не эти, – вздохнул Сеницын, подталкивая медиков к нужной двери. – Вот тут... у нас ситуация более серьезная.

Хирургическая бригада, с грехом пополам перебравшись со своим инвентарем через хляпущих богатырей, проследовала в комнату. Сеницын взглянул на Марго.

– Ты пойдй там посиди, помоги им, если что... Сможешь? Не боишься? – спросил он. Марго только презрительно фыркнула в ответ. – Ну и отлично... А я здесь покараулю. Мало ли что.

Марго шагнула в комнату, а Сеницын, бесцеремонно подвинув гвардейцев, уселся на скамью в коридоре и приготовился ждать.

* * *

На операцию ушло гораздо больше времени, чем предполагалось ранее. И дело было даже не в заражении крови, которое действительно началось, а в общем состоянии организма пациента, ослабленного действием яда, который малыми дозами под видом лекарств вводился в организм Резанова. Помимо антибиотиков, для остановки распространения заражения пришлось делать практически полную промывку организма больного. И если учесть условия, в которых пришлось работать бригаде, справились медики с поставленной задачей быстро и профессионально. Сеницын зря нервничал. Оперативно решили и проблему нехватки света – подключили к переносной батарее галогенный светильник, который залил помещение невиданно ярким светом. А чтобы его не было видно с улицы, Марго завесила окно тяжелым грубым одеялом.

Наконец все было закончено.

Сеницын незаметно для медиков активировал в чулане портал временного перехода, и уставшая, но довольная бригада, так ничего и не поняв, шагнула вместе с ним «из киносъемочной студии» обратно в двадцать первый век.

Марго осталась одна. После яркого света ей потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к полумраку помещения. Она стояла в коридоре, вся превратившись в слух. Гвардейцы уже совсем съехали на пол и храпели, уютно устроившись друг у друга на плече. За закрытой дверью рокотал низкими нотами Егоров. За стеной педерастическим фальцетом ему втирал Макшаллан.

Марго осторожно прошла в комнату к Резанову. Сняв с окна одеяло, она водворила его на место, в ноги к больному, и внимательно огляделась: все вроде было на месте, никаких посторонних предметов, типа бинтов или ваты. Сеницын всегда следил за этим особенно внимательно, чтобы, не дай бог, не осталось какого-либо «компромата» от «пришельцев из будущего».

Марго подошла к изголовью больного, взяла в руки свечку и осторожно осветила лицо Резанова. Он наконец-то мирно спал. На бледных щеках даже заиграл робкий румянец. Марго не удержалась и осторожно пощупала лоб больного. Он был еще немного влажный. Девушка откинула пряди волос и осторожно поцеловала его в лоб. Поправив одеяло, Марго оторвалась, наконец, от созерцания поручика, повернулась к двери и вздрогнула.

На пороге, загородив проход, молча стоял Макшаллан. Взгляд его не предвещал ничего хорошего.

Потребовалось всего несколько секунд, чтобы Марго взяла себя в руки. Годы тренировок действовали безукоризненно. В такие моменты полушария ее мозга, как она сама не раз, смеясь, объясняла друзьям, как будто менялись местами. Природный прагматизм отступал на второй план, и она вся превращалась в какой-то сверхчувствительный орган, безоговорочно подчиняющийся ее прямо-таки животной интуиции. В этот момент она действительно напоминала «разящего дракона», который был вытатуирован на ее теле и которого на время операций она обычно скрывала под толстым слоем косметики.

Марго уже знала, как одним приемом, одним движением вывести англичанина из игры. Она уже видела свой разящий удар. Все это, как обычно, пронеслось в ее мозгу в доли секунды. Перед схваткой время как будто замедлялось...

Но что-то ее пока удерживало от активных действий. Инстинкту своему Марго доверяла безоговорочно, поэтому решила продолжить игру. Вскрикнув, как сделала бы на ее месте застигнутая врасплох прислуга, Марго попятилась, прикрыв рот рукой и сделав большие, испуганные глаза.

По-видимому, спесивый британец ожидал именно такой реакции от дуры-служанки.

– Что здесь делает? – спросил он Марго громким шепотом.

– Я ничего... Я воды... Вот... – запричитала как можно более плаксивым голосом Марго.

Это опять же вполне соответствовало сценарию «господин, застающий свою горничную на месте преступления», сложившемуся в голове у Макшаллана. Окончательно уверовав в полное владение ситуацией, он схватил Марго за плечи.

– Какой вота?! Кто посметь?!

– Хозяин приказал, баа-арии-ин! – заголосила Марго.

– Чшшшшш! – зашипел на нее Макшаллан, оглядываясь на зашевелившихся во сне стражников. – Не говорить, дура! Тут я козьян. – С этими словами Макшаллан замахнулся и попытался вклепить Марго пощечину, но вовремя передумал – лишний шум ему был ни к чему. Доктор даже не догадывался, что волосок, на котором была сейчас подвешена его жизнь, в этот момент вполне мог оборваться.

Отпихнув Марго в сторону, он шагнул к раненому, взял со столика лампаду и поднес ее к лицу Резанова. То, что он увидел, судя по всему, никак не соответствовало его ожиданиям. Громко чертыхнувшись, Макшаллан отпрянул от больного и стал судорожно щупать его пульс. После чего, вмиг позабыв о Марго, вылетел из комнаты. Перескакивая через спящую стражу, Макшаллан вихрем ворвался в свою комнату, схватил саквояж и бросился обратно к больному.

– Вота... Ты сказал, вота... – вновь зашипел он на Марго, для верности показывая рукой подносимый ко рту воображаемый стакан.

Марго, словно испугавшись, опять ойкнула и попятилась для «правды жизни». Впрочем, доктор действительно выглядел устрашающе: он весь покраснел, щеки его тряслись, волосы выбились из-под парика, да и сам парик имел такой вид, будто им только что помыли пол. Притворившись, что она поняла докторский этюд с воображаемым предметом, Марго громко и медленно, как обычно говорят либо с иностранцами, либо с дебилами, тоже поднесла ко рту воображаемый стакан и ответила:

– Выпил он!.. Выпил вота!.. О! – закончила она, показывая на больного.

Казалось, что Макшаллан готов был испепелить ее взглядом. Чертыхаясь, он вновь бросился в свою комнату и через мгновение появился с кувшином воды.

Дрожащими руками доктор налил в стакан немного жидкости, а потом стал что-то торопливо смешивать в своих склянках. Наконец, достав нечто вроде пипетки, осторожно набрал только что приготовленное зелье и склонился над изголовьем больного.

На Марго он уже не обращал никакого внимания. Хотя если бы и обратил, это все равно ничего бы не изменило. Ну, может, разве только способ, которым ему суждено было в тот день умереть. Но поскольку все его внимание было целиком сконцентрировано на своих гадких приготовлениях, Марго этот способ выбрала за него сама. Она взяла откинутый в спешке Макшалланом медный кувшин, в котором он принес остатки воды, и со всей силы опустила его на голову доктора. Раздался глубокий, благородный, как удар в набатный колокол, звук, и доктор как стоял, так и рухнул на колени у кровати больного. Больше всего Марго удивило, что лейб-гвардейцы даже не пошевелились от ее «колокольного звона».

Марго подобрала пипетку, наклонилась к доктору и осторожно влила содержимое ему в ухо. Затем сняла с постели одеяло, расстелила его на полу, перекатила на него тело Макшаллана и перетащила его в отведенную ему комнату. Вернувшись к Резанову, Марго еще раз все внимательно осмотрела и, удовлетворенно кивнув, вышла в коридор.

Уже давно и неудержимо светало. А в тот момент, когда она выходила из комнаты, еще и закричали петухи. «Совсем как в сказке, – усмехнулась про себя Марго. – С нечистой силой покончено, объявляйте, петухи, новый день!»

Она достала запрятанный под корсетом айфон и собралась было нажать на заветную кнопку, как взгляд ее упал на бравых гвардейцев. Конечно, было бы лучше исчезнуть незамеченной, но Марго не хотела оставлять Резанова без присмотра. Хоть главная причина беспокойства была уже устранена, полагаться на случай не хотелось. Спрятав телефон, Марго открыла дверь чулана, достала оттуда два ведра и таз, сделала из них как можно более неустойчивое сооружение и легонько поддела его ногой...

Грохот раздался такой, что и мертвого поставил бы на ноги. Ну а brave гвардейцы были еще вполне живые ребята! Повскакав, Григорьев и Хресков автоматически бросились подбирать раскатившиеся ведра и таз. Увидев Марго, они ошолбенело застыли на месте.

– Тише вы, медведи, – состроив лейб-гвардейцам глазки, озорно проворковала Марго. – А то барина разбудите!

– А шо, не помер ишо их высокоблагородь? – хлопая глазами, брякнул Хресков.

– А чё ему помирать-то? Живехонький барин-то ваш! Еще и вас переживет! – хохотнула Марго, наслаждаясь неподдельным изумлением вояк.

Ни слова более не говоря, гвардейцы, как по команде, вломились в комнату к Резанову. Воспользовавшись моментом, Марго скользнула в чулан и плотно прикрыла за собой дверь.

Глава пятая

Абсолютная реальность

*Наше время. Санкт-Петербург. Набережная Мойки,
дом 72*

Был уже третий час дня, поэтому кафе на Мойке, в котором устроились Дмитрий и Марго, неудержимо пустело. Заканчивалось время обеденных перерывов, до времени же вечерних застолий было еще далеко.

Марго закончила свой рассказ и, уже ни на что более не отвлекаясь, принялась за клубничный чизкейк. Дмитрий неотрывно смотрел в одну точку. Он настолько погрузился в свои мысли, что совершенно перестал замечать окружающее. За все время, пока Марго рассказывала об операции, предпринятой ХРОНОСом по спасению молодого Резанова, он ни разу не перебил ее и теперь переваривал услышанное. При этом его не покидало какое-то странное ощущение дежавю – будто бы он уже слышал нечто подобное или даже был участником похожих событий.

Марго покончила с чизкейком и перешла к мороженому. Дмитрий молчал. Когда и от мороженого оставалась всего одна ложка, а Дмитрий так и не подавал признаков возврата в реальность, Марго решила проявить инициативу.

– И о чем же ты так задумался? – спросила она, пытаясь выложить остатки мороженого в кофе, превратив его таким образом в гласе.

– Да вот, все думаю... – Дмитрий прокашлялся. От долгого молчания в горле у него вдруг запершило. – Неужели вот так, слепо, Фортуна может переходить из рук в руки... – Дмитрий опять уставился в пространство поверх правого плеча Марго.

– Это ты о чем, любимый? – немного недоуменно спросила она. – Все же хорошо закончилось!

– Да нет, я о другом... – задумчиво произнес Дмитрий. – Это же надо, оказывается, у Резанова была реальная возможность занять место Зубова! Стать вторым Потемкиным! Ты представляешь, куда Россия могла бы тогда рвануть, если бы не тот злосчастный инцидент на крымской дороге?!

Марго, отхлебнув кофе, с улыбкой посмотрела на Дмитрия.

– Ну и куда бы Россия рванула? – вдруг хихикнула Марго. – В штаны, наверное, как всегда! – Но Дмитрий почему-то шутку не принял и даже как будто обиделся на что-то. – Может, и рванула бы, – уже более серьезно, пытаясь как-то исправить неловкость, добавила Марго, – но только неизвестно, в какую сторону. И вполне может быть – не в сторону Русской Америки.

– Это еще почему? – удивился Дмитрий.

– Резанов, конечно, человек необычный для своего времени, но ты знаешь, я видела его лицо... Вот как тебя сейчас... – Марго решила, что упоминание о поцелуе будет в данный момент излишним. – Жаль только, глаза его были закрыты... Но все равно, мне показалось, что это лицо... не знаю, как сказать...

– А ты скажи, как знаешь, – хмуро посоветовал Дмитрий, демонстративно-сосредоточенно помешивая ложечкой чай.

– Ну-у-у... лицо болезненно неудовлетворенного человека, – выдохнула Марго.

– Ничего себе! – Эмоции наконец вернулись к Дмитрию. – А ты что хотела? Человек только что перенес сложнейшую операцию!

– Я это понимаю, – перебила его Марго. – Я имею в виду – лицо человека с болезненно неудовлетворенными амбициями.

– Ну, допустим... – Дмитрий наконец перестал болтать ложкой. – Хотя опять же, если верить твоим собственным словам, человек перед этим находился на грани жизни и смерти, между прочим. Я уж не знаю, что там переживает умирающий, но где-то читал, что процесс этот очень активный! Но даже если это и не так, скажи мне, – Дмитрий распалялся все больше и больше, – какие еще эмоции ты ожидала увидеть на лице двадцатилетнего умирающего человека?! Прекрасно прожитая жизнь, ничего не скажешь! И потом, с какой это стати «неудовлетворенные амбиции» вдруг помешали бы в освоении Америки?! – закончил свою тираду Дмитрий. Он разошелся не на шутку.

Марго же, наоборот, как это часто бывало в подобных ситуациях, становилась все более и более невозмутимой.

– Дим, ты меня опять не понял. Я понимаю, что для освоения новых территорий – в грязи, лишениях, постоянной нехватке всего самого элементарного, ежедневной опасности смерти от голода или дикарей, – нужна какая-то очень веская причина. Возможно, что на все это можно было бы решиться как раз по причине неудовлетворенного честолюбия, но...

– Да, я понял, куда ты клонишь, Марго! Постояв над человеком пять секунд, тебе вдруг открылась вся глубина его сути. Ты уже решила, что, стань он могущественным фаворитом императрицы, его честолюбие было бы удовлетворено, и незачем было бы покорять далекий материк! Не так, скажешь?

– Именно! – воскликнула Марго. – Естественно, сейчас этого никто не может с уверенностью сказать, но вероятность такая не исключена, согласись! И потом, почему это «за пять секунд»? Я еще книжки исторические читала да и сама в некоторых событиях участвовала, и знаю с позиции сегодняшнего дня, что – ДА! – Щеки Марго немного порозовели. – Именно неудовлетворенное честолюбие во многом двигало этим человеком! Как и многими другими, кстати. Теми, кто менял ход истории! Именно исходя из этого, и надо оценивать поступки Резанова, если мы хотим найти ключик к мотивам его поведения.

Марго тоже не на шутку завелась, поэтому теперь пришла очередь Дмитрия сбавлять обороты:

– Да не горячись ты, Марго! Во-первых, позволь тебе напомнить, что сам лично Резанов территорий не осваивал, это все до него выпало на долю Шелихова и иже с ним. Удовлетворение своих амбиций он вполне мог найти в осуществлении этих проектов, которые мы бы сегодня окрестили «геополитическими». Именно они могли поднять его на абсолютно новые высоты, если хочешь. И я думаю, он это прекрасно понимал. Не забывай, что это была эпоха «наполеоновских» амбиций! Более того, только ему, с его образованием и положением, это и было возможно осуществить! И я не подвергаю сомнению твою компетентность и с выводами твоими готов бы был согласиться, если бы... – Дмитрий вдруг опять замолчал на время. – Если бы я не говорил о другом.

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно спросила его Марго.

– Что-то меня стала немного напрягать вся эта ситуация. Лезем мы куда-то. Суедемся, а тут... Если бы наши «чапаевцы» опять вовремя не подоспели, ведь помер бы Николай Петрович. Помер, не дожив и до двадцати трех лет! И не было бы тогда ничего из того, о чем мы сейчас спорим! А сколько еще было таких ситуаций, о которых мы ни сном ни духом? Разве возможно на бесконечном полотне Вселенной отыскать и поправить каждую петельку, каждый узелок, который там образовался и послужил тому или иному повороту в истории?!

– Да при чем здесь полотно? Мы занимаемся конкретным периодом и конкретным человеком, так как доказано, что именно его устранение изменило бы ход развития целой страны! Подожди, Дим, ты что, не понял? Это было самое настоящее убийство! Его хотели отравить! И Синицын на этот факт вышел совершенно случайно. Наши вообще занимались тем, что искали причины охлаждения Екатерины к Резанову, а точнее, причины его внезапного ухода из армии. Ведь вся его биография, особенно на начальном этапе, – это цепь алогичных, необъяснимых

поступков, да еще и с серьезными информативными дырами. Когда из исторических хроник выпадают целые годы жизни человека, это уже становится подозрительным. Где он был, что делал, чем занимался – сплошные белые пятна! Вот мы и стараемся до этого докопаться!

Дмитрий наконец стал понимать, куда клонит Марго.

– Ну хорошо, допустим. Не привязывайся к словам, а то у меня так и не получится сказать то, что я хочу... Неужели ты не понимаешь, Марго, что в истории человечества все взаимосвязано? Стоит только копнуть прошлое, и пошло-поехало – одно тянет за собой другое! И когда мы хотим что-то поправить, то порой даже не знаем, откуда начинать. Тыкаемся, как слепые котята, «случайно» выживая, как вон Синицын, важную информацию.

– Подожди, Дим... – Казалось, Марго действительно его не понимала или отказывалась понимать. – Это же только начало! ХРОНОСу и двадцати лет нет! Ты прекрасно знаешь, что Синицын, в отделе которого мы, между прочим, состоим, «ведет» линию Резанова. Каждый школьник знает, что человек он был достойный, и если бы пожил подольше, наверняка восточное направление в политике России могло сложиться совсем по-другому... Вот мы им и занимаемся... А что?

– Занимаемся, – усмехнулся Дмитрий.

– Ну да, а не этому ли ты сам мечтал посвятить свою жизнь всего два месяца назад в Калифорнии?

– Так и знал, что ты это припомнишь! Да только то, что я хочу сказать, гораздо сложнее! Я даже слов не могу подобрать... Просто судьба соткана из десятков, а может, и сотен узелков, в каждом из которых заложена кинетика направления последующего развития...

– Ага, «направо пойдешь – коня потеряешь, налево – жену»? Так до этой гениальной мысли Илья Муромец первый додумался. Без всяких высших образований! Ты мне вот что скажи: что тебя вдруг так напрягло в моем рассказе?

– Да то, что последствия каждого из наших «вторжений» практически невозможно просчитать! Все есть слепая удача! Кто МЫ, чтобы корректировать ход Истории? Муравьи, вылезшие на свет и пытающиеся понять принцип действия большого черного «конца света», который обрушился на муравейник! И муравьям никогда не дано будет понять, что это простое колесо и что оно принадлежит автомобилю, за рулем которого сидит водитель! С чего бы ты посоветовала им начать?! Так и мы... Вот я, например, не знал, что Резанов в двадцать три года был на краю гибели...

– Ну, во-первых, мы не муравьи! – Марго окончательно вошла в азарт. – А во-вторых, откуда ты мог это знать? Это что, написано где-то? Помнишь наш первый постулат: «История не принадлежит к разряду точных наук, история есть интерпретация». Так же, как Время не существует отдельно от Пространства, так и История не существует отдельно от Времени! Мы ее провоцируем или проецируем соответственно полученной информации! Для советского школьника шестидесятых годов прошлого века Резанова тоже не существовало, ведь тогда еще о нем не было рассказано. Но это отнюдь не означает, что его не было на самом деле. Просто факт этот еще не был озвучен или, если хочешь, спроецирован в нашу реальность!

– В том-то и дело, Марго, что факт этот оставался реальностью вне зависимости от нас! Просто мы о нем ничего не знали.

– Если мы о нем ничего не знали, то как же это могло быть нашей реальностью?! – воскликнула Марго.

– Не нашей, а АБСОЛЮТНОЙ реальностью! – Дмитрий даже подскочил на стуле. – Та, которая существует вне зависимости от нас! Вот я и спрашиваю теперь: а ты знаешь, сколько еще таких реальностей, которые «вне нас», существует на свете?!

– Не знаю и знать не хочу! Потому что говорить об этом бессмысленно! Ибо пока нет «знания», нет и реальности. А когда «знание» появляется, тогда она и возникает, эта вновь

«спроецированная реальность». Тогда и появляются ее Время и ее История! Вот тогда о ней и надо беспокоиться. И ты, между прочим, когда-то сам это говорил!

– Говорил! Но теперь я в этом сомневаюсь, Марго. Сколько еще подобных или альтернативных реальностей мы создадим нашим косолапым вмешательством? Ты это знаешь? Или кто-нибудь это знает? Ведь реальность, в которой я живу, заключается в том, что Николай Петрович Резанов умер в Красноярске, по дороге из Америки в Петербург, первого марта тысяча восемьсот седьмого года. И эта моя реальность не имеет никакого отношения к той, о которой ты только что мне рассказала. Но теперь, после вашего победного рейда, мы должны будем иметь дело уже с этим, альтернативным развитием событий. Прекрасно, ничего не скажешь!

Глава шестая «Ненстоящая девка»

1787 год. Крым. Ак-Мечеть. Постоялый двор

Егоров и не помнил, когда последний раз спал таким оглушительно крепким сном. Служба давно его приучила использовать для отдыха любую, а особенно случайно выпавшую минутку. Как говорится: «Чем солдат гладок? Поел и набок!» Но все же, чтобы вот так, словно в беспамятстве, без ворочаний и сновидений, такого сна Егоров что-то не припоминал. Товарищам сержанта потребовалось изрядное количество времени, чтобы его растолкать.

Придя в себя и протерев глаза, Егоров увидел склонившиеся над ним рожи Хрескова и Григорьева. Причем одна, Хрескова, прямо-таки расплывалась от еле сдерживаемой радости, в то время как другая, Григорьева, была то ли чем-то недовольна, то ли озабочена.

– Емельян Савелич, вставай! – чуть не взвизгивая, затараторил Хресков. – Радость-то какая! Николай Петрович оклемались, кажись!

Егорова как подкинуло. Ни слова не говоря, он бросился в комнату Резанова. Тут уж не нужно было обладать никакими специальными дохтурскими познаниями, чтобы определить – мирно спавший больной действительно пошел на поправку. Пяти минут не прошло, а Егоров уже седлал коня.

– Радость-то какая! Матушка Пресвятая Богородица! Светлейшему надо гонца срочно справлять, а то и сам сгоняю... Глядишь, наградит еще. Это ж надо, Николай Петрович оклемались! Вот уж действительно радость! Ну что ты, Григорьев, стал как пень?

Григорьев и правда вяло помогал Егорову седлать коня. Видно было – он хочет что-то сказать, да все не решается или не знает, с чего начать.

– Ну что еще? Говори враз! – наконец напрямую спросил его Егоров.

– Тут это... Девка эта... – нерешительно начал Григорьев.

– Какая еще девка?! – рявкнул на него Егоров.

– Та, что вино нам приносила...

– Тьфу ты, мать твою, – ругнулся в сердцах сержант, – ты все про свое!

– Да нет, Савелич, девка та... Она тут и ночью крутилась...

– Ну, крутилась, и что? – Егоров раздраженно вскочил в седло.

– Так вить это... – Григорьев сглотнул. Ему было явно не по себе. – Она, когда за дверь выскользнула, я за ней бросился...

– Ну? – все не понимал Егоров. Терпению его явно подходил конец.

– Так ить... Дверь-то я рванул почти сразу, а ее там... и след простыл!

Григорьев хоть и смотрел на Егорова, но взгляд его был устремлен как будто внутрь себя. Слова давались с трудом.

– Ну, так и что?! – недоумевал Егоров. – Ну, сбежала краля твоя! Не стала тебя, дурака, дожидаться!

– Да нет, Емельян Савелич, – Григорьев наконец поднял глаза и как-то даже с укоризной посмотрел на сержанта, – дверь-то в чулан вела... Глухой чулан... Оттудова выхода-то нету! Так вот я и говорю, что она сквозь землю, выходит, и провалилась...

Егоров уставился на Григорьева. Вроде не врет, это он видел точно.

На ожившем к новому дню постоялом дворе уже царила утренняя суeta. Многочисленная дворня суетилась по хозяйству.

Григорьев – подпрапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, статный молодец, всего на палец ниже двухметрового Егорова, как ребенок, тоскливо смотрел на сержанта, ухватившись за повод его коня. Егорову стало не по себе.

– Ладно, потом разберемся, – наконец сказал он. – Смотри тута, чтобы с их благородия волосок не упал! Я мигом!

Но Григорьев, казалось, не слышал его.

В этот момент створки окна на втором этаже флигеля с треском распахнулись, и в проеме, высунувшись чуть не по пояс и вывалив вперед неимоверных размеров титьки, показалась дворовая баба. Лицо ее было плоское и круглое. Щеки, сдавившие картофелину носа, лихорадочно горели. Набрав в грудь побольше воздуха, баба заголосила что есть мочи, с надрывом и повизгиванием:

– Ой, люди добры! Дохтур-то германский помёр! Ой, господи, помёр дохтур-то!

Все мигом пришло в движение. По двору забегали, заорали, захлопали дверьми.

– Какой он тебе германский, дура! – прошамкал, ковыляя мимо, какой-то беззубый мужичонка, торопясь в числе первых пробиться к двери. – Аглицкий дохтур-то был!

– Не аглицкий, а гишпанский! – послышался другой мужской голос. – Сам слыхивал, как барин сказывал.

– Сам ты гишпанский, дурилка ты навозная, – не сдавался мужичонка, – он же по-аглицки глаголил!

– Что?! Это я дурилка?! А я вот тебе сейчас как по уху-то тресну, так ты у меня побасурмански заговоришь, грамотей хренов!

– Ты мне?! А ну съезди! – выпятив вперед редкую бороденку, вдруг петухом наскочил на обидчика шуплый мужик.

Баба с толстым лицом, не переставая, надрывно орала. Захлопали ставни окон. Другие постояльцы тоже стали высовываться наружу, чтобы узнать причину утреннего переполоха.

– Эй! Григорьев, – свесившись с лошади, тормозил сослуживца сержант, – очнись, Григорьев! А ну, сгоняй-ка, глянь, что там с дохтуром-то?

Но с Григорьевым творилось что-то странное. Он, мелко крестясь, уже открыто трясся всем телом. Егоров с сочувствием поглядел на подчиненного. Это был один из тех редких случаев, когда он не знал, что делать. Да и Хресков, как назло, куда-то запропастился.

– Нечистая... Как в чулане-то исчезла, так я сразу-то и понял, что нечистая... – повторял Григорьев, клацая зубами и тоскливо уставившись куда-то вдаль. – Черт это был в бабском обличье! – театральным шепотом причитал он. – Ей-богу, черт!

По его белым, в обтяжку, панталонам стало заметно растекаться темное пятно.

– Тьфу ты, мать честная! – в сердцах выругался Егоров. Не слезая с лошади, он саданул тростью пробежавшего мимо дворового.

– Ой, бя! Больно-о-ть, вашаблагародь! – завизжал мужик.

– А ну пособи, не видишь, дурень, офицер не в себе...

Григорьеву действительно было уже совсем плохо. Расширенные глаза его ничего не выражали, кроме животного страха, как у бычка перед закланием. «Эк его скрутило-то! – подумал, крестясь, Егоров. – Никак и впрямь нечистый накуролесил!»

А мужик тем временем уже орал через весь двор:

– Дядь Прохор, подь сюды! Пособить треба! Гля, тут охвицер уссался!..

К вечеру того же дня из Ставки главнокомандующего, расположившейся в новом, отстраиваемом на европейский манер городе Симферополе, со специальным нарочным было отправлено срочное донесение императрице: «Резанов поправился!»

Глава седьмая

Проекция реальности

*Наше время. Санкт-Петербург. Набережная Мойки,
дом 72*

Марго во все глаза смотрела на Дмитрия.

– Боже мой, Дим, ты что, действительно не видишь проблемы?! – воскликнула она даже с некоторым отчаянием в голосе.

Теперь пришла очередь Дмитрия с удивлением уставиться на Марго:

– Что ты имеешь в виду?

– Да то, что «твоей» реальности не существовало бы, если бы...

И тут Дмитрия осенило! Он наконец догадался, к чему она клонит.

– Постой-постой... Ты хочешь сказать, что этой реальности не существовало бы, если бы не ваш спасительный рейд в Крым! – воскликнул Дмитрий, заканчивая ее мысль и хлопая ладонью по столу. В возбуждении он несколько не рассчитал силу удара. Блюда и чашки подпрыгнули на столе, зазвенев ложками. Девушка-бариста выглянула из-за барной стойки. Немногочисленные посетители стали оглядываться на странную парочку: современная красotka, «с ногами» и татуировкой, и мужчина значительно ее старше. Но кого сейчас этим удивишь? Дмитрий покраснел и, сконфуженный, наклонился ближе к Марго, всем своим видом демонстрируя окружающим, что инцидент исчерпан и ничего особенного не происходит, – так, дело житейское.

За своими морально-нравственными переживаниями он действительно упустил суть проблемы, которую Марго так точно и тонко подметила. Дмитрий попытался разглядеть в широко открытых зеленых глазах, пристально смотревших на него, хотя бы слабые признаки торжествующего превосходства. Но нет, во взгляде Марго ничего такого, что могло бы пошатнуть его мужское самолюбие, не было. Пожалуй, добавилось немного беспокойства, но это понятно, учитывая их шумный спор.

– Тогда получается, – все еще под впечатлением от своей догадки продолжал Дмитрий, – что реальность, в которой мы живем, уже была кем-то... подправлена?

– Именно! – Марго торжествующе смотрела на Дмитрия.

Он открыл было рот, чтобы возразить что-то еще, но не нашелся что сказать, пораженный новой мыслью.

– То есть ты хочешь сказать, что кто-то умышленно, уже ТОГДА правил нашу историю?!

– Почему ТОГДА? – Марго, казалось, гипнотизировала Дмитрия.

– А когда? – Дмитрий потер рукой лоб. – Чтобы такие дела творить, надо... Надо... – У него мелькнула новая догадка. – Не хочешь же ты сказать, что «кто-то» обладает такими же... э-э-э... возможностями, как мы?

– Почему бы и нет? – Марго вдруг усмехнулась. – Я понимаю, что тяжело расставаться с образом избранного, но логика за то, что если это случилось с тобой, с нами, то... могло случиться где-то и с кем-то еще.

Дмитрий, коротко усмехнувшись, откинулся на спинку стула. Правда, смех получился натянутый и совсем не веселый. У него в памяти вдруг опять, непонятно к чему, всплыла та странная ночь, которую он абсолютно не помнил и после которой в его жизни все так стремительно изменилось.

«И куда, черт возьми, могла запропасться Ленка?!» Она была его последней надеждой на то, чтобы хоть как-то восстановить ход событий накануне их отлета в Сан-Франциско. После того как Дмитрий увязал истоки всего произошедшего с ними в Калифорнии с той «памятной»

ночью, он неоднократно звонил Лене – и все безрезультатно. Догадка Марго, точнее, эта ее новая теория, давала совершенно иной разворот ходу его мыслей. Но вот так сразу сдаваться Дмитрий пока не собирался.

– Ты знаешь, дорогая, я как-то пока не готов вступить в ряды психопатов, которым во всем мерещится какой-нибудь очередной жидомасонский заговор.

Марго ничего не ответила. Она давно допила кофе и, достав сигарету, с тоской поглядывала на половину зала для курящих. Дмитрий вдруг явственно ощутил желание затянуться чем-то более «существенным», чем просто табак. От того, что в данную минуту сделать это было совершенно невозможно, желание сделалось только острее.

«Это вам, батенька, не Амстердам», – насмешливо произнес внутренний голос. «Ну и хрен с тобой, – зло ответил ему Дмитрий. – А кто мне запретит?.. Вон, в зале уже почти никого не осталось. Вот дождусь, когда этот чувак с газетой в углу свалит, и...»

Что было бы потом, Дмитрий, впрочем, не додумал за явной бесперспективностью мышления в заданном направлении. Настроение продолжало неудержимо портиться. Более того, появилось какое-то необъяснимое беспокойство.

– Маргош, скажи мне... Это твои предположения? Или ты что-то знаешь, чего не знаю я, и просто не можешь мне это рассказать?

– Да нет, Дим, ничего такого я не знаю... Знала – сразу бы тебе сказала... Просто я поняла однажды, что борьба, беспощадная и невидимая, идет, не затихая ни на минуту. Света и тьмы, добра и зла, просвещения и мракобесия... Так уж устроен мир.

– Противоречие есть корень всякого движения... – вдруг вспомнил Дмитрий.

– Можно и так сказать, – кивнула Марго.

– Это не я, это Гегель.

Марго задумчиво посмотрела на него. Под ее взглядом он вдруг покраснел. Но Марго, казалось, этого не замечала.

– А я хочу процитировать еще один наш постулат, – продолжала она, как будто смотря сквозь него. – Событие «оживает» лишь в тот момент, когда мы его проецируем на нашу реальность, и существует в векторном направлении, заданном инициатором.

– Другими словами, – Дмитрий усмехнулся, – мы сами задали направление этого «вектора развития» и теперь должны ждать противодействия? Так, что ли?

– Может, и так, – пожала плечами Марго. – Только в том-то и дело, что я не до конца уверена, что инициаторы – это мы.

Чувак в углу зашелестел газетой. Тонированные, почти розовые листы безошибочно выдавали в ней «Файненшл таймс». «Ишь ты!» – Дмитрий почему-то возненавидел этого снобизирующего клерка в дорогом костюме, проводившего свой явно затянувшийся обеденный перерыв за чашечкой кофе и демонстративно читающего англоязычную прессу.

Марго вдруг взглянула на часы и засобиралась.

– Но сейчас инициаторы мы! – Она быстро наклонилась и с нежностью, как бы перечеркивающей все их возможные размолвки, чмокнула Дмитрия в щеку. – Потому что мы иницилируем возвращение в корпус, где начинаются занятия, а это и есть наша сегодняшняя реальность.

Марго рассмеялась, но Дмитрий лишь грустно улыбнулся в ответ:

– Не совсем. Возвращаешься ты одна, мне надо задержаться...

– Что так вдруг?

– Да так, вспомнил кое-что...

– В таком случае, – Марго ехидно прищурилась, – в нашей общей реальности образовался узелок, от которого, как от того былинного камня, дорожки наши расходятся. Пока! – хохотнула она, закидывая сумку на плечо и поднимаясь.

– Пока! – криво усмехнулся Дмитрий. – Я буду помнить про коня.

– Лучше про жену! – хихикнула Марго и выпорхнула на улицу.

«Боже мой, как она изменилась!» – глядя ей вслед, думал Дмитрий. За модельной внешностью, хоть и несколько оригинальной, – Марго все еще любила красить волосы в разные цвета и делать из них причудливые композиции, скрывался чрезвычайно острый и тонкий ум, не раз приводивший его в восхищение.

Дмитрий тоже изменился за те пару месяцев, что прошли после их возвращения из Калифорнии начала девятнадцатого века. Правда, ему это знать было не дано, так как он не мог оценивать себя со стороны. Зато мог наблюдать за изменениями в Марго. Девическая резкость и вечный вызов уступили место спокойной женской уверенности в себе. Это сразу нашло отражение во внешнем облике. Меньше стало пирсинга – ушли булавки из носа и языка и лишь многочисленные колечки в ушах намекали на «металлическое» прошлое хозяйки. Разгладили воинственный ирокез – Марго теперь носила прическу в более мирном стиле; правда, все время пугала Дмитрия другой крайностью – что обреется наголо. Дмитрий возражал, но слабо, прекрасно понимая, что Марго, скорее всего, придется это сделать, учитывая их новое положение в Службе Коррекции Времени. Носить парики, которые требовались для их частых «костюмированных» перемещений во времени, на обритой голове будет гораздо удобней...

Кроме разноцветных волос, внимание в прическе Марго привлекал еще черепаховый гребень, подаренный ей на прощание Песней Ручья, дочерью вождя племени кашайя. Но доминировала «оригинальностью», конечно, цветная татуировка «Разящий дракон». Змей «выползал» из-под майки на шею, а хвостом вызывающе обвивал бедро. Из-за любви Марго к мини-юбкам это было прекрасно видно всем.

Дмитрий догадывался, какое «мучение» испытывали мужчины от созерцания этой картины! Точнее, от невозможности увидеть ее целиком. Но здесь, как говорится, «чья Маша, тот с драконом и дружит», – любил повторять он про себя, не раз перехватывая «несчастные» взгляды своих менее удачливых собратьев по полу. А если учесть, что Марго вдобавок ни за что не хотела отказываться от высоких каблуков, то при ее ногах картина для стороннего наблюдателя противоположного пола получалась, прямо скажем, «нездоровая». Мужикам Дмитрий искренне сочувствовал, тем более что после Калифорнии он абсолютно перестал волноваться за Марго: ее неординарные способности во всех видах восточных единоборств в Русской Америке не раз спасали ему жизнь, а в академии стали легендой.

Глава восьмая

Перепутье тел, дорог и судеб

1787 год. Крым. Инкерманская бухта

Жизнь корнета конно-гвардейского полка Платона Александровича Зубова в одночасье перевернулась с ног на голову. Или наоборот – это уж как поглядеть. Всю последнюю неделю он жил будто в тумане. Порой казалось, что все с ним происходящее – это какая-то фантазматическая мистерия, чья-то довольно бесчеловечная шутка. Что вот-вот прозвучит сигнал невидимого рожка, занавес упадет, как в театре, и сказочные декорации неведомого мира растают словно сон. Он очнется в своей походной койке, на своем набитом соломой тюфяке, и все войдет в прежнюю, привычную колею.

Однако день проходил за днем, а новая реальность продолжала сжимать его в своих жарких объятиях и, по всей видимости, отпускать не собиралась.

Все началось в тот памятный день, когда перевернулась злосчастная татарская арба, груженная каменными блоками. Тогда вместе с телегой перевернулась вся жизнь Платона Александровича.

«Хотя почему злосчастная? Для кого злосчастная? Может быть, для Резанова, прости, Господи, и злосчастная, но только не для меня!» – мысленно одергивал себя Зубов.

Сейчас ему было даже трудно предположить, что всего несколько дней назад он был просто Платоха, свой в доску рубаха-парень, красавец-корнет конно-гвардейского полка. Ему даже казалось, что «Платон Александрович» родился раньше, чем он сам на то обратил внимание. А когда, наконец, заметил, его персона парила уже так высоко, что было даже странно представить, что кто-то из сослуживцев мог вот так запросто окликнуть его, как раньше, «Платоха».

Впрочем, в те сферы, в те «чертоги небесные», где он теперь обретался, его сослуживцы не допускались.

В тот день именно Платону Зубову пришлось нестись во весь опор в арьергард императорского поезда за лейб-медиком Роджерсоном. Именно Платону – с горящими от выпавших на его долю треволнений щеками и блестящими от слез глазами – выпало кружить на своем кауrom жеребце у окна императорской кареты, пытаясь связно доложить об *l'incident tragique*⁸. Тогда-то и упал на Платона державный взгляд, скрытый пока кисейной занавеской, который изменил весь ход его жизни.

Трагический инцидент, который произошел с Резановым, потряс всех. При дворе только и разговоров было, что о находчивости Резанова, о его самоотверженности, преданности, чести. Императрица даже всплакнула за обедом, принимая поздравления от императора Иосифа с «чудесным и провидческим ее избавлением». Все только и говорили о той «жертве, которую радостно восприняли на себя ее доблестные гвардейцы, щитом своих тел прикрывшие свою августейшую повелительницу от неминуемой гибели».

Но впереди был Инкерман – конечная цель грандиозного путешествия российской императрицы, а посему решили, что траурным настроениям предаваться грешно и *mauvais ton*⁹. Таково было царское волеизъявление, еще с утра переданное через статс-фрейлину Протасову. И неприятный инцидент, равно как и имя несчастного поручика, были преданы забвению.

И действительно, что есть жизнь какого-то поручика Резанова на фоне грандиозных свершений эпохи?

⁸ Трагический инцидент (*фр.*).

⁹ Дурные манеры, неприлично (*фр.*).

«Ну да, может, и подавал надежды, да видать не судьба. Правда, задница у молодца была и впрямь как орех! Загляденье! – вздыхала Екатерина. – Фигурная! Ну да бог с ним, в самом деле...»

Наступал новый день, а вместе с ним и новая эпоха. На историческом небосклоне зажигались новые звезды, восходящие над головами новых героев. Порой, может, и не столь достойных, как мы можем заметить сейчас, уже зная об их деяниях. Но какое дело до этого судьбе? Смешно даже, право! Разве можем мы охватить весь ход исторических событий и вероятностей их развития? И осознанно рассуждать о том, что было бы, если бы в тот или иной момент на исторической сцене оказалась именно эта фигура? Нет, конечно! Потому и остается нам лишь безмолвно взирая в благоговейном изумлении на мерные обороты божественного веретена, с помощью которого прядутся невидимые нити той череды событий, которую мы для краткости называем простым словом – Жизнь.

Когда перевалили через Балаклавские высоты, взору царицы и ее многочисленной свиты предстала не виданная по своему величию картина.

На рейде Инкерманской бухты стояло более тридцати новехоньких кораблей. Габаритами и оснасткой выделялись шесть фрегатов, которые горделиво выпячивали на солнце свои крутые бока. Порядка восьми линейных кораблей находилось в непосредственной близости от них, а далее, раскинувшись по всей достаточно тесной, укрытой со всех сторон горами бухте, стояли на рейде шхуны, барки, шлюпы и боты гребной флотилии – все то, что вскоре будет с гордостью именоваться российским Черноморским флотом.

Не зря торопился Потемкин, не зря недосыпал, не зря скакал вперед, опережая августейшую процессию! Заранее предвидел, какой эффект произведет его сюрприз и на императрицу, и на сопровождавших ее гостей. И не просчитался светлейший. Замер в безмолвии австрийский император, смолкли графы де Сегюр и Кобенцель, любившие заметить и обсудить достоинства и недостатки всего, что только ни попадалось им на глаза. Притих и нахмурился британский посланник Аллейн Фиц-Герберт, которого Екатерина совершенно напрасно считала «своим карманным дипломатом». Тайная миссия Фиц-Герберта еще аукнется России. Не пройдет и ста лет, как англичане будут штурмовать эти высоты, удивляя противника прекрасным знанием местности¹⁰.

А пока слезы бесконечной благодарности застилали глаза Екатерины.

Императрица вышла из дормеза. Послали в конец каравана за митрополитом: царица решила прямо здесь, на перевале, на Балаклавских высотах, провести благодарственный молебен в честь только что приобретенных «южных морских врат» все более крепнущей Российской империи.

И как завершающий аккорд деяний Потемкина, на другой стороне иссиня-бирюзовой бухты, на южных склонах гор, в лучах весеннего солнца сверкал белым мрамором только что заложенный им «Себастос полис», ее «Августейший город», ее Севастополь!

В ту ночь в честь нового российского Черноморского флота, в честь достижения конечной точки державного путешествия был устроен грандиозный фейерверк из более чем двадцати тысяч ракет и петард. Два с половиной часа небо расцвечивалось невиданным «светопредставлением»: летающие и сами себя пожирающие драконы, причудливые узоры, сотканные из мириад мерцающих звезд, – все это повергло публику в благоговейный трепет перед величием, мощью и невиданной доселе роскошью.

¹⁰ Имеется в виду Инкерманское сражение Крымской войны 1854 года, когда русские войска под командованием князя Меншикова понесли серьезные потери от наступавших англичан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.